

ДАРЬЯ КУЗНЕЦОВА

Дарья Кузнецова

Шешель и шельма

«Автор»

2026

Кузнецова Д.

Шешель и шельма / Д. Кузнецова — «Автор», 2026

Ловкой мошеннице Чарген Янич долгое время удавалось уходить от правосудия. Но там, где пасует закон человеческий, рано или поздно сработает закон равновесия. И вот Чара уже в чужих краях, втянута в тёмную историю, гораздо более опасную, чем все её аферы. А единственная надежда на спасение связана с циничным следователем Стеваном Шешелем. Чарген надеется ускользнуть и в этот раз, перехитрив судьбу и сыщика. Но что если эти двое начнут действовать заодно?

© Кузнецова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Береги соседа своего, он тебе ещё пригодится	5
Глава 1. Замужество как прыжок с парашютом: первый раз страшно, потом увлекаешься	10
Глава 2. Покойники порой доставляют больше проблем, чем живые	19
Глава 3. Первое впечатление обманчиво, но его чаще всего хватает	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дарья Кузнецова

Шешель и шельма

Пролог. Береги соседа своего, он тебе ещё пригодится

Беряна, столица Ольбада

7 горешняка 8151 г.

*Горешняк – ольбадск. июль месяц

– Придержите лифт! – Окрик заставил девушку дёрнуться. Рука на рычаге дрогнула, но пассажирка не сразу сообразила, что именно от неё требуется: раннее утро было для Чарген самым мучительным временем суток, и скорость реакции страдала вместе с остальными положительными качествами.

К счастью спешащего, он влетел в крошечную клетушку лифта почти сразу за своим криком. Врезался в стоявшую там Чару, сбил с ног, но сам же успел поймать, не позволив отлететь к стенке. Как девушка не выронила при этом сумку – она и сама не смогла бы ответить. Всё-таки сосед слишком твёрдый и костлявый, чтобы столкновение прошло безболезненно.

– Привет, мышка! Прости, – кривовато улыбнулся он, аккуратно выпустив попутчицу. – Вниз?

– Доброе утро, господин Сыщик! Конечно, вниз, – охотно отозвалась Чара.

Рычаг скрежетнул металлом, створки с лязгом сомкнулись, и лифт медленно поплыл. С пятого этажа он всегда полз еле-еле.

Такое вроде бы уничижительное обращение соседа совсем не задевало Чарген. Наверное, потому, что в нём не было никакого личного отношения или пренебрежения, просто констатация внешнего сходства: острый носик, тёмные глаза, смуглая как у всех южан кожа, тёмно-русые волосы – вроде бы длинные, вроде бы густые, но очень невыразительные и тусклые.

Чёрная юбка, белая блузка, серый приталенный жакет, удобные ботиночки на низком каблуке – аккуратная, по размеру одежда, не цепляющая взгляд ни яркостью, ни нарочитой небрежностью.

Действительно – мышка. Скрамная, осторожная, неприметная – не красивая, не отталкивающая, совершенно заурядная, но при ближайшем рассмотрении довольно миловидная девушка. Обычная. Именно такая, какой должна быть приличная горожанка.

А ещё это прозвище давало возможность немного расслабиться: можно не так пристально следить за словами собеседника. Отзываться на «мышку» было гораздо проще, чем на имя.

Над ответным прозвищем даже задумываться не пришлось: профессия и одна из масок мадирского театра спаялись в этом человеке воедино и настолько тесно, как будто старые драматурги списывали Сыщика непосредственно со следователя Стевана Шешеля. Правда, комедийные амплуа маски, когда её надевали на непутёвого, ленивого или жадного служителя закона, ему совсем не подходили, но это уже детали. Главное, самого соседа такое прозвище только забавляло и совсем не обижало.

– К тётушке? – он выразительно кивнул на сумку, которую Чарген, устав держать, поставила на пол.

– Да, поеду, – подтвердила девушка. – Каникулы, в библиотеке сейчас тихо, а ей с огородом надо помочь. Сами понимаете, в деревне рабо... Ой!

На этом месте, обрывая пояснения, лифт вдруг резко дёрнулся, уронив Чару на соседа, и замер. Мигнув, погас осветительный шар под потолком, и воцарилась мёртвая тишина, осо-

бенно пронзительная из-за чернильного мрака вокруг и стихшего гудения, с которым ехал лифт.

– Только не это! – простонала девушка, судорожно вцепившись в лацканы пиджака мужчины. Зажмурилась. Темнота неприятно давила, но сейчас – не так сильно, как могла бы. Всё же здорово, что сосед решил догнать лифт и разделил с ней приключение, в одиночестве пережить подобное было бы труднее.

– Ты боишься темноты? – сделал Шешель логичный вывод, даже приобнял девушку за плечи – неожиданное, но приятное проявление сочувствия.

– Боюсь, особенно когда тесное пространство. Но главное, меня такси ждёт, до дирижабля меньше часа! – пожаловалась Чарген.

Следователь молча отправил куда-то вверх и вбок лёгкий магический импульс жёлтого спектра, совсем рядом в темноте тихо ухнуло, заставив Чару вздрогнуть от неожиданности. А через мгновение клетку лифта залил тусклый, слабый желтоватый свет – шар горел еле-еле, но этого было вполне достаточно для успокоения.

– А сдвинуть с места его так не получится? – неуверенно спросила девушка, не спеша покидать надёжные объятия и с трудом удерживаясь от того, чтобы воспользоваться случаем и ощупать соседа. Её давно мучил вопрос: господин Сыщик под пиджаком крепкий и жилистый или тощий и костлявый? Склонялась к первому варианту, но найти подтверждение этому никак не удавалось.

– Да легко! – отозвался следователь. – Но сыскаря ноги кормят, поэтому они мне ещё дороги как память.

– То есть?

– Если лифт грохнется с высоты третьего этажа, кости мы, конечно, соберём, но вряд ли целые, – доходчиво пояснил Шешель. Продолжая придерживать соседку одной рукой, – привык уже, что ли? – вторую вытянул в сторону, освобождая из-под манжеты наручные часы. – М-да. Забежал переодеться. Садись, мы здесь надолго. – Он небрежно махнул рукой и, всё же выпустив Чару, спиной по стене стёк на пол.

– Но может быть, позвать на помощь? Или двери попробовать открыть? Вы же сможете, и это, наверное, не так опасно, как...

– Садись, не надо ломать технику, – отмахнулся Шешель. – Или у тебя там в сумке ломик есть? Нет? Мне, конечно, льстит такая вера в мои силы, но руками я эти двери не открою. Даже если бы собирался.

– А что насчёт помощи? – Чарген не готова была сдаться так быстро и всё ещё надеялась, что это недоразумение вскоре разрешится. Опаздывать на дирижабль совсем не хотелось, от этого все планы летели псу под хвост. Она ведь действительно собиралась для начала заехать к маме!

– Кричи, – пожал плечами следователь, невозмутимо глядя снизу вверх.

Чаранеуверенно покосилась на двери, потом на соседа. Потом прислонилась к стене напротив соседа и медленно, придерживая юбку, съехала по ней, опустившись на корточки.

– Что, не будешь? – ухмыльнулся Шешель через пару секунд.

– Лучше вы, господин Сыщик, у вас голос громче, – вежливо уступила девушка.

– Жаль, – неопределённо хмыкнул сосед и слегка стукнулся затылком о стенку лифта. Прикрыл глаза.

– Это тоже бесполезно, да? – спросила Чара тихо.

– Сегодня воскресенье, половина пятого утра, – невнятно пробормотал Шешель. – Нормальные люди спят. В здании достаточно толстые стены, чтобы шум на лестнице не беспокоил жильцов. И лифт у нас новый, тихий, – закончил со смешком.

– Я не успею на дирижабль, да? – вздохнула девушка и тоже сползла на пол. Несколько часов она в прежней позе всё равно не высидит, куда уж тут юбку беречь!

– Не успеешь.

Несколько минут они посидели в тишине, которую нарушил жалобный стон. Чарген рас-
терянно покосилась на соседа, который вряд ли мог издать такой звук.

– Что это было?

– Надо было позавтракать, – отозвался следователь.

– У меня есть бутерброды. Хотите? – предложила девушка и полезла в сумку ещё до того,
как закончила фразу.

– Хочу! – Шешель не стал скромничать, тут же заметно ожил, выпрямился и открыл
глаза. Получив внушительных размеров бутерброд из пары поджаристых хлебных треугольни-
ков с начинкой между ними, уткнулся носом в хлеб, с шумом втянул запах и выдохнул со сла-
дострастным стоном. Чара при виде этого не удержалась от хихиканья. – Спасительница! Бла-
гословите боги мышиную домовитость и запасливость! – нашёл он в себе силы поблагодарить
и с упоением впился зубами в хрустящий бок бутерброда. Блаженно замычал, закатив глаза,
и девушка засмеялась в голос.

– Ешьте-ешьте, вы вон какой худой, вам надо, – с умилением сказала она. Шешель угук-
нул, не в силах оторваться от еды. Которая исчезала с пугающей скоростью. – Господин Сыщик,
вы когда последний раз ели? – озадачилась Чарген.

– Не помню, – честно ответил тот, кивком благодаря за следующий бутерброд.

– А спали?... – продолжила любопытствовать девушка, разглядывая соседа внимательней.

Сейчас, в тусклом тревожном свете, лицо следователя, и в лучшие дни кажущееся слиш-
ком худым, даже измождённым, вовсе напоминало обтянутый сухой кожей череп. Тёмные
круги под глазами, тени от скул на впалых щеках – зловещий вид.

– Примерно тогда же, – отозвался Шешель, прожевавший второй бутерброд и встретив-
ший появление третьего с отчётливой нежностью во взгляде. Правда, на этот уже не набро-
сился, как дворовый пёс на кусок парного мяса, даже попытался разглядеть в тусклом свете,
что там внутри. – Очень вкусно!

– Вы просто голодный, – улыбнулась Чара.

– Не скажи, – качнул головой следователь. – Это шедевр бутербродостроения! Говорю
как старый холостяк, знающий толк в ленивой еде. – Он прервался на укус, прожевал гораздо
тщательней с совершенно блаженным видом. – Чтоб мне посереть, ты точно добавляешь туда
какой-то секретный ингредиент! Давай я на тебе женюсь, а? И ты будешь меня кормить!

– Не стоит идти на такие жертвы, – девушка рассмеялась в ответ. – Можем договориться
о сдельной оплате.

Глаза следователя жутковато сверкнули, показавшись белыми бельмами, и в выражении
его лица почудилось что-то опасно-хищное. Чарген мысленно ругнулась на себя за то, как
непозволительно расслабилась и выбилась из образа, и поспешила сменить тему.

– Что-то случилось? – участливо спросила она. – Вы, мне кажется, обычно выходите из
дома несколько позже и в чуть более здоровом виде.

– А, у нас всегда что-то случается, – он расслабленно махнул рукой, и Чара перевела дух:
никаких вопросов и подозрений не последовало. – Газет не читаешь?

– Читаю... А, вы о том артефакторе? – припомнила девушка последнее громкое дело, о
котором уже три дня трубили на каждом углу. Одного из известнейших зелёных магов города
убили в собственном доме вместе с женой и сыном-подростком, всё перевернули и вынесли
кучу ценностей. – Расследуете его смерть?

– Вроде того, – чему-то недовольно поморщился Шешель.

– Надеюсь, у вас получится поймать этих чудовищ. – Хмурясь, Чарген зябко поёжилась. –
Представить не могу, кем надо быть, чтобы на такое пойти! Ради денег убить ребёнка...

– Биологически – человеком, как и мы с вами, что не может не радовать, – спокойно
пожал плечами господин Сыщик. – А мораль – понятие субъективное.

– И чем вас это радует? – растерялась девушка.

– Повадки людей мне неплохо знакомы. Окажись он кем-то другим – это существенно осложнило бы дело, – усмехнулся следователь. В повисшей тишине окинул взглядом тёмную клетушку лифта, поднялся на ноги, потянулся всем телом и, шагнув, прислонился к стене уже рядом с Чарой. – Подвинься немного, пожалуйста... да всё, достаточно. В сумке ничего хрупкого нет?

– Зависит от того, что вы собираетесь с ней делать.

– Я собираюсь на ней спать, – честно ответил следователь, пытаясь устроиться на квадратном метре площади поудобнее.

Девушка сначала опешила от такой прямолинейности, но сразу возмутиться не успела, а потом вдруг поняла, что идея не лишена остроумия.

– Сейчас, погодите только, я себе куртку достану, а то сидеть холодно. Горешняк в этом году не задался, – вздохнула она.

– А пледа у тебя там случайно нет? – со смешком спросил следователь, с интересом заглядывая в сумку. Но скрывать Чаре было нечего, она везла в сумке только пару сменных платьев, бельё и ещё кое-какие мелочи.

– Увы, нет, – виновато пожала плечами она, наблюдая за тем, как следователь пытается угнездиться в тесноте лифта. – Может, вам не стоит лежать на холодном полу? – всё-таки спросила она.

– Не могу спать сидя. Иногда получается, но до обмороков я пока ещё не устал.

Наконец он кое-как устроился, подложив сумку под голову и свернувшись калачиком, так что Чаре было некуда даже вытянуть ноги.

– Разбуди, когда кому-то понадобится лифт и нас начнут спасать, – проговорил Шешель сквозь зевотку, который даже не попытался прикрыть ладонью. И отключился, кажется, в следующее мгновение, не дожидаясь ответа.

Чарген несколько секунд напряжённо прислушивалась: почему-то казалось, что сосед непременно должен храпеть. Но нет, сытый Сыщик оказался пугающе тих, почти как выключившийся лифт.

Это было забавно – вот так сидеть рядом со Стеваном Шешелем, грозой преступного мира Беряны, а порой даже всего Ольбада. Мужчина не особенно распространялся о собственной жизни, но соседи, на чьих глазах он вырос, могли много чего порассказать про одинокого следователя. И, конечно, рассказали, когда пять лет назад в давно пустующую квартиру въехала новая хозяйка.

И поначалу, обнаружив такого соседа, Чара не на шутку испугалась и задумалась, не поменять ли адрес. Но стало жаль квартиру, где она ещё такую найдёт! Жильё досталось ей вполне легальным, хотя и неожиданным способом: по завещанию от давнего друга матери. Точнее, досталось не совсем ей, а маме, но...

Чарген жила тут под именем и личиной Биляны Белич, мышки, которая являлась дочкой покойной лучшей подруги квартирной хозяйки. Женщины одинокой, больной и сердобольной, которую жиличка регулярно навещала. Так было безопаснее и разумней, чем светить настоящее имя, да и от некоторых проблем оберегало. Например, надёжно избавляло от желающих облапошить наивную одинокую дурочку и заполучить хорошую квартиру в престижном районе столицы. Будь она хозяйкой, непременно кто-то попытался бы, а так – что с сиротки-приживалки возмёмшь!

А потом Чара оценила иронию ситуации и аккуратно сошлась с легендарным следователем. Ну так, слегка, по-соседски. Здоровалась, скромно и немного смущённо улыбалась, иногда перебрасывалась какими-то общими фразами. Рассказывала про работу в библиотеке, про тётушку, какая она чудесная, добрая и одинокая.

Всем рассказывала. И со всеми сходилась примерно одинаково: глупо недооценивать наблюдательность и внимательность соседей и уж точно не стоит ими пренебрегать. Просто с Шешелем это ещё и щекотало нервы.

Хотя вот так тесно они общались впервые. И Чарген, хотя испытывала любопытство и азарт, всё равно сердилась на себя за то, что непозволительно расслабилась и отошла от выбранного образа. Мало того, что позорно и непрофессионально, так ещё и опасно! Господин Сыщик – въедливый тип, не нужно будить в нём лишние подозрения.

Девушка ещё раз мрачно покосилась на тусклый световой шар, потом – на свернувшегося трогательным клубочком следователя. Со смешком вспомнила его замечание о женитьбе, окинула соседа новым критическим взглядом.

Следователь Чаре нравился. Худой, конечно, как щепка, она предпочитала более ладные фигуры. Но лицо приятное, выразительное, особенно глаза – холодные, светлые. Взгляд цепкий, бодрит. А ещё ей нравилось его чувство юмора, обаяние, хладнокровие. И блондинов она любила, хотя никак не могла понять: белобрысый Шешель или это ранняя седина, уж очень странный цвет.

Ну и, главное, это была бы шутка, способная рассмешить богов: она – замужем за высококлассным сыщиком из Следственного комитета, вероятным сотрудником контрразведки Ольбада. Даже жаль, что ближайшая свадьба уже запланирована.

И Чара, притулившись в углу, тоже задремала. Спешить ей было уже некуда, такси наверняка уехало, а дирижабль – улетел.

Глава 1. Замужество как прыжок с парашютом: первый раз страшно, потом увлекаешься

Беряна, столица Ольбада

5 септеня 8151 г.

*Серпень – ольбадск. август месяц

Быть «прелесть какой дурочкой», не скатываясь до «ужас какой дуры», – искусство сложное, но жизненно необходимое. Этот бесценный талант Чарген, увы, от матери не передался, пришлось нарабатывать долгими тренировками. Острой на язык Чаре сложнее всего далось именно это, даже смирение и послушание не вызывали столько проблем.

Но если бы мама могла сейчас видеть свою старшую и, безусловно, любимую дочь, очень бы ею гордилась. Чарген, то есть Цветана Лилич, то есть теперь уже, по мужу, Цветана Ралевич, дурочкой была восхитительно очаровательной. Лёгкое, воздушное платье нежно-розового цвета оттеняло светлую фарфоровую кожу, аккуратно заколотые драгоценными гребнями локоны блестели полированным золотом, яркие голубые глаза смотрели на мир с наивным восторгом, заставляя стоящих рядом мужчинневольно приосаниваться и вызывая покровительственные улыбки.

Муж, которого это трепетное создание держало сейчас под локоть, поглядывал на распускающих хвосты приятелей и дальних родственников снисходительно, принимая все восторги на собственный счёт. Новым приобретением Павле Ралевич был доволен и даже обоснованно горд: найти такое чудо в Беряне – редкая удача. Совсем юная, нежная пансионерка, скромная, хорошо воспитанная, всего пару месяцев назад прибывшая в столицу из своего пансиона. Невинная как первоцвет, что Павле подозревал всё время их знакомства и в чём с глубоким удовлетворением убедился вчерашней брачной ночью.

Выгодное приобретение, доставшееся очень дёшево, которое при минимальном вложении засверкало бриллиантом чистой воды.

Павле Ралевич, сорока пяти лет, совладелец ювелирного дома «Северная корона», опытный зелёный маг и авторитетный артефактор, в деньгах не нуждался, поэтому жениться на кошельке считал глупым. Такая девица будет капризна и избалованна, а он слишком занят, чтобы с ней носиться. Голубой крови Павле тоже не искал: тщеславие не требовало обзаводиться титулом, а в его делах положение не играло роли, аристократы и так держались весьма любезно. Да и девица такая будет либо слишком требовательна, либо... В общем, зачем такие сложности?

То ли дело вот это юное создание! Выгодное приобретение, да.

– А как вы думаете, прекрасная Цветана, ждать нам войны с Регидоном? – внезапное обращение одного из друзей мужа заставило очень к месту вздрогнуть от неожиданности.

Голубые глаза пару раз растерянно моргнули, новобрачная неуверенно улыбнулась и проговорила, смущённо опустив взгляд:

– Простите, сударь, я совсем ничего в этом не смыслю... Павле, как ты считаешь?

– Ждать, – с лёгкой усмешкой ответил тот. – Через пару десятков лет, когда технические средства позволят. Если сумеем протянуть столько без какого-нибудь бунта.

Чарген испуганно ахнула, теснее прильнула к боку мужа, ненавязчиво прижимаясь к его локтю грудью.

– Павле, какие ужасы ты говоришь! Война, бунт...

– Не бойся, Цветочек, нас это всё не затронет. – Ралевичнакрыл узкую ладошку своей.

Один из собеседников горячо возразил, что владыка ни за что не допустит подобного, ещё один, по выправке отставной офицер, неодобрительно высказался о настрое хозяина приёма. Чара слушала, не забывая испуганно жаться к мужу и растерянно хлопать глазами на мужчин, изображая непонимание. И рассеянно думала, что в этот раз вполне угадала с супругом: его точно не будет жаль.

– Цветочек, пойдёшь присядь, ты устала. Да и не нужно тебе всё это слушать, – обратился к ней Павле.

– Спасибо, дорогой! – благодарно улыбнулась Чара. И хотя предпочла бы ещё послушать и «поболтать» за офицера, послушно ушла к столику с напитками, который стоял возле выхода на балкон.

Приём был очень небольшим. Почему муж решил устроить его на следующий день после свадьбы, Чарген не поняла, но особенно и не расспрашивала: не положено. Шумной компании друзей у Ралевича не водилось, да и вообще тех, кого можно назвать друзьями, большой дружной семьи – тоже. Поэтому сегодня молодожёнов окружали деловые партнёры, случайные люди из клуба, который Павле посещал то ли ради статуса, то ли для сбора новостей, да постоянные клиенты ювелирного дома. Разношёрстое скучающее общество.

Чара подумала, что ей, как хозяйке и виновнице торжества, стоило бы блистать и развлекать гостей, раз муж не желает, но от мысли этой отказалась сразу. Где бы вчерашней пансионерке научиться той уверенности, которая для подобного требовалась? Оставалось стоять в уголке, разглядывать гостей и мечтать, чтобы всё это поскорее кончилось.

С другой стороны, когда закончится это, снова придётся делить супружескую постель, и неизвестно, что хуже. Любовником супруг оказался скучным и эгоистичным, целовал так, что после хотелось умыться, и смешно сопел. И это тоже не добавляло новобрачной сочувствия и симпатии.

– Скучаете, госпожа Ралевич? – прозвучавший сбоку голос заставил Чару опять вздрогнуть от неожиданности и встревоженно обернуться. Чтобы тут же расслабиться и смущённо улыбнуться.

Высокий импозантный мужчина, чуть полноватый, с благородной сединой на висках – один из совладельцев «Северной короны». В прошлом сам ювелир, но отошёл от дел – проблемы с руками. Холост и очень одинок почти двадцать лет, с момента смерти супруги, не оставившей ему детей. Чарген успела выяснить о нём многое, она какое-то время колебалась между кандидатурами двух совладельцев. Но господин Гожкович понравился ей своей манерой общения, ироничностью и глубокими, грустными глазами, поэтому выбор пал на Ралевича.

За последние десять лет она ни разу не сошлась с мужчиной, который был бы ей симпатичен: не хотела повторять ошибки матери и проверять выносливость собственной совести. Всё же обманывать приятнее скользких типов вроде нового мужа, а не приличных и совестливых людей.

– Такое количество гостей и все так строго на меня смотрят! – пожаловалась Чара. – Я страшно боюсь сказать или сделать что-то не так и расстроить Павле.

– Павле сложно расстроить такой мелочью, – одними губами улыбнулся Гожкович. – Позвольте за вами поухаживать. Чего желаете? Вина? Или, может быть, сок?

– Лимонада, если вас не затруднит, – попросила новобрачная, скрывая досаду: выбрать ей хотелось первое.

Вино у мужа было не запредельно дорогим, но хорошим: сорт фенаса, виноградники побережья, Ежарская долина, почти местное. Наглядный пример рачительного характера Ралевича, который не любил переплачивать, особенно за пыль в глаза.

Чара такое очень любила, хотя пробовать его доводилось редко: пить просто так, к обеду или ужину, в одиночестве было скучно и неприятно, хорошо посидеть вечером за бутылочкой

– банально не с кем. А когда выдавалась случайная компания – приходилось играть роль, а значит, требовалось сохранять абсолютно трезвый рассудок и остроту восприятия.

Конечно, Гожковича не затруднило. Большой кувшин, зачарованный на охлаждение, мужчина аккуратно взял двумя руками, стекло звякнуло о стекло, плеснула ароматная жидкость и тонкой струйкой полилась в высокий стакан, слегка запотевший от прикосновения напитка.

– Прошу, – бывший ювелир протянул наполненный сосуд собеседнице.

Новобрачная приняла его, пригубила ароматный напиток солнечного цвета и немного примирилась с действительностью. Конечно, не белое полусладкое, но – весьма недурно.

– Спасибо. У Павле столько друзей, все такие солидные. И дамы... Мне кажется, я никогда не смогу стать на них похожей! – посетовала Чара для поддержания разговора. Не стоять же истуканом.

– А стоит ли кому-то уподобляться? Вы юны и прекрасны, оставайтесь такой подольше. Надеюсь, Павле не загубит такое чудо, – рассеянно закончил он, посмотрев на хозяина приёма.

Тот взгляд встретил, отметил почтительное расстояние между своим ценным приобретением и партнёром и коротко кивнул. Гожкович улыбнулся в ответ, отсалютовал бокалом.

– Не понимаю, о чём вы. Павле такой замечательный! Я словно попала в настоящую сказку с настоящим принцем!

Собеседник чуть заметно улыбнулся. То ли восторженности Цветаны, то ли её же фантазии: невысокий, с оплывшей фигурой, невыразительным лицом и залысинами, на героя девичьих грёз Ралевич не походил совершенно. Но, с другой стороны, вполне тянул на живого, настоящего принца: они тоже люди, и молодые красавцы среди них попадаются не так уж часто. Как в любой другой профессии.

– Павле бывает... резок. И скор на расправу. Впрочем, простите, не хотел вас напугать, в конце концов это просто слухи.

– Какие слухи? – проявила Чарген вполне подходящее юной девушке любопытство. На которое наверняка и рассчитывал собеседник.

– Говорят, Павле бывает жесток с женщинами, которые его разочаровали. Одна из его любовниц, например, бесследно исчезла.

– Вы говорите гадости! – свежеиспечённая госпожа Ралевич обиженно насупилась, а под конец даже добавила слезы в голос. – Павле не такой! Он хороший и добрый, а вы – злой и лицемерный! Как вы можете, вы же его друг?!

– Я лишь хотел выразить надежду, что вы будете с ним счастливы. Прошу простить меня, если допустил бестактность, – он склонил голову. – Вы, разумеется, совсем не похожи на остальных женщин, вы ведь теперь его жена. И ещё раз – извините, надеюсь, я не слишком вас расстроил.

Партнёр поклонился и отошёл, а Чарген нервным жестом пригубила лимонад инашла взглядом супруга. Тот продолжал увлечённый разговор с прежней группой мужчин, в сторону жены не смотрел и, кажется, не заметил произошедшего между ней с Гожковичем обмена любезностями. Поэтому Чарапредпочла расслабиться и сделать вид, что ничего не случилось.

Хорошо, что никто не горит желанием познакомиться с ней поближе. Можно немного расслабиться и, например, спокойно обдумать состоявшийся разговор.

Неприятные слухи об артефакторе, упомянутые сейчас партнёром мужа, Чара слышала, но не очень-то им верила. Вспыльчивость и жестокость совершенно не вязались и с рациональностью Ралевича, и, главное, с его почти полной бесчувственностью. Он мог бы причинить боль и даже убить, тут Чарген излишних надежд не питала, но – руководствуясь холодной логикой и собственной выгодой.

Кроме того, Чара видела двух отставных любовниц мужчины, злых и обиженных на Ралевича за его скупость, и вполне допускала, что слухи такие могли распустить именно они из-за

чрезмерной прижимистости артефактора. Он не просто не баловал женщин подарками, но не давал даже денег на «карманные расходы», поэтому отношения с особами, рассчитывавшими на прибыльное место содержанки обеспеченного мужчины, долго не длились.

Чарген вполне понимала обиду этих любовницы то, что в объятья Ралевича их толкал неизменный женский оптимизм и уверенность, что уж они-то сумеют добиться от скупердяя какой-то выгоды. Сочувствовала им, но наступать на те же грабли не планировала, поэтому схему с «доением» любовника отбросила сразу, с Ралевичем стоило действовать совершенно иначе.

С другой стороны, слух о жестокости Чара тоже брала в расчёт, допуская его правдивость. В конце концов, даже очень рассудительные и сдержанные на вид люди могут таить в душе подлинных, жутких чудовищ.

Впрочем, на её планы эта вероятность не влияла. Чарген не собиралась жить с этим человеком до старости, надеялась управиться за месяц-другой и потому о вероятной жестокости Ралевича в отдельных ситуациях задумывалась мало. Вряд ли он начнёт кидаться на неё на ровном месте на второй день супружества, а ни малейшего повода к агрессии Чара давать не собиралась. Глупенькая, наивная, не смеющая сказать мужу и слова поперёк, послушная, как заводная игрушка, – вряд ли такая Цветана успеет познакомиться с гипотетическими тёмными сторонами личности мужа.

Сейчас Чарген волновало другое. Зачем Гожкович заговорил об этом? В альтруизм и заботу о здоровье юной девы не верилось совсем, да и проявлять их стоило заранее, до свадьбы. Хотел посмотреть реакцию? Надеялся рассорить? Вряд ли, он достаточно проницательный человек, чтобы понимать, насколько полностью молодая жена зависима от мужа и – как минимум, пока, – предана ему.

Странно. Непонятно и потому – очень подозрительно.

Но вскоре к Чарген подошёл муж, и посторонние размышления пришлось отложить до лучших времён.

– Павле! Хочешь, я чего-нибудь тебе налью? – предложила она радостно.

– Не стоит утруждаться, цветочек, – отмахнулся тот и плеснул себе брады. – Как тебе приём?

– Так много людей, все такие яркие, солидные... Это так сложно!

– Ничего, со временем привыкнешь. Если хочешь, можешь пойти к себе и лечь спать пораньше. Завтра у нас дирижабль.

– Дирижабль? – ахнула Цветана.

– Полетим отдохнуть, – пояснил Ралевич и вопросительно вскинул брови. – Ты не рада?

– Что ты! Это замечательно, побыть немного только с тобой! Просто ты так занят, у тебя столько работы, и мне стыдно, что я отвлекаю тебя и из-за меня ты вынужден пересматривать планы...

– Могу себе позволить, – покровительственно улыбнулся муж. – Так что, ты хочешь остаться или поднимешься к себе?

– Если ты не возражаешь, я бы лучше легла пораньше.

– Прекрасно. Тогда позволь тебя проводить.

Со вспыхнувшим от неожиданных новостей раздражением удалось справиться быстро и, кажется, незаметно, а возможностью сбежать с этого приёма под благовидным предлогом Чарген воспользовалась с облегчением.

Как же несвоевременно Ралевич решил устроить себе отпуск! В столице было бы куда проще: и заветный сейф под боком, и видеть дражайшего супруга предстояло реже. Здесь, в доме, он предпочёл отвести молодой жене отдельную спальню, и Чара, внешне изобразив печальную покорность, внутри искренне порадовалась такому подарку. А в гостинице постель наверняка будет общей, и всё внимание мужа окажется посвящено Цветане...

Ну да и ладно, потерпит. Никто ведь не обещал, что будет легко!

Уже засыпая на широкой кровати, застеленной хрустящим от свежести бельём, Чара позволила себе немного рассеянности и фантазий. Что когда-нибудь – уже совсем скоро, наверное, сразу после Ралевица, – она всё же согласится с матерью. Старшие выросли, и нет столь острой нужды в деньгах, поэтому можно завязать с этим опасным и неприятным делом. Ангелар, например, взрослый серьёзный мужчина, хороший юрист, который неплохо зарабатывает и помогает семье. Да, придётся пожить скромнее, но даже младшие поймут.

И тогда Чара сумеет начать новую жизнь. Свою. Никаких больше ролей, никаких масок и имён, никакого сбора информации обобеспеченных холостяках столицы. Никаких опасений лишний раз привлечь внимание стражи. Подработка, учёба в университете, о которой она давно уже мечтала. Под своим именем, со своим лицом.

Если сумеет вспомнить, как оно выглядит...

От последней мысли настроение привычно испортилось, и Чара поступила так, как поступала много раз до этого: постаралась расслабиться и отвлечься. Перевернулась на другой бок и вскоре уже спокойно и крепко спала – так, как положено юной девушке с кристально чистой совестью.

Утро началось рано, с визита горничной, которая пришла помочь с одеждой и волосами. Вещи в дорогу слуги собрали без участия молодой хозяйки, что Чарген вполне устраивало. А то обстоятельство, что муж спозаранку умчался по каким-то важным делам, наказав ждать его возвращения, и вовсе радовало: завтрак в одиночестве был приятней его компании.

Время до возвращения супруга пришлось коротать за вышивкой, в нынешней роли вариантов было немного. Чара не особенно любила это занятие, но иголку держать умела и резкого отвращения к ниткам, к счастью, не питала. Возможной альтернативой служило чтение чего-то необременительно-развлекательного, но рукоделие подходило куда лучше: пусть муж лишний раз порадует труdolюбию и скромности жены.

Не говоря уже о том, что книги в этом доме хранились в кабинете, совать в который нос лишний раз было опасно. Нельзя давать ни малейшего намёка, будто Чару интересует содержимое этой комнаты! Нет, это территория мужа, на которую приличная жена посмеет шагнуть только по его приглашению. Или тогда, когда будет уверена, что дражайший супруг не явится в самый неподходящий момент и слуги не увидят лишнего. Сейчас явно не тот случай.

Правильно перестраховывалась: Ралевиц вернулся вскоре после завтрака. Собранный, деловой, с лёгкой нервозностью во взгляде и движениях. Очаровательно наивная Цветана этой детали, конечно, не заметила, просияла улыбкой при виде мужа, а вот Чара насторожилась. Особенно когда муж почти без прелюдии заявил:

– Цветочек, у меня есть подарок для тебя. Соревноваться с твоей красотой он, конечно, не способен, но оттенить, надеюсь, сумеет. Пойдём. Мне хочется, чтобы ты надела его сейчас.

– О, Павле! Не стоило, – показательно смутилась супруга, пряча счастливую улыбку.

– Стоило, цветочек. Ты достойна того, чтобы тебя баловать, – сладко улыбнулся Ралевиц.

Чара мрачно подумала, что после такого оскала стоило бы бежать без оглядки. Увы, позволить себе подобного она не могла и смиренно последовала за мужем в кабинет, уповая на удачу. В конце концов, может, ей почудилось, а подарить он решил какой-нибудь пустяк. Много ли надо, чтобы порадовать наивную простушку?..

Не повезло. В чёрной лаковой шкатулке – простой, без изысков, призванной не отвлекать от содержимого, – обнаружился по-настоящему роскошный подарок. Широкий браслет – кружевная тончайшая скань белого золота с россыпью бриллиантов. Настоящих, за это Чара готова была поручиться, не подходя к артефакту.

«Не подходить к артефакту» было вообще отличной идеей, и Чарген с большим удовольствием воплотила бы её в жизнь. Любой нормальный человек воплотил, потому что незнакомый артефакт потенциально опасен, а Чара понятия не имела, что делает эта штука. На глаз

определить не могла, ноничего хорошего от Ралевичане ждала: до крайности скаредный тип, дарящий такую драгоценность нелюбимой супруге на второй день совместной жизни, выглядел более чем подозрительно. Что он задумал? И что, во имя богов, делает эта драгоценность?!

По спине пробежал нервный холодок и осел в затылке.

– Какая красота! – зачарованно выдохнула Чара, ослеплённая блеском бриллиантов. – Боги! Павле, но это...

– Иди сюда. – Ралевич с улыбкой протянул ей руку, взял в другую браслет. – Я хочу, чтобы ты его надела и не снимала.

– Но он такой красивый! Я недостойна... – промямлила Чарген, однако покорно протянула ладонь.

Застёжки артефакт, как и большинство подобных ему предметов, не имел, Павле надел его на тонкое женское запястье, не размыкая. Сложное воздействие зелёного спектра Чара заметила, но оно было слишком запутанным и коротким, чтобы разобраться в плетении.

Ощущение, что на руке сомкнулись кандалы, холодом сдавило горло. Женщина устала на артефакт на руке, очень надеясь, что удаётся изображать восхищение: юная глупышка не может смотреть на драгоценный подарок как на ядовитую змею, готовую ужалить.

– Прекрасно. Я знал, что тебе подойдёт, – улыбнулся Ралевич. Нервозность из его взгляда никуда не делась, что не добавило радости и Чарген.

– Павле, это... прекрасно! – прошептала она и, мысленно выругавшись, поспешила повиснуть на шее мужа с благодарным лепетом. Следовало срочно взять себя в руки, пока он не заметил подвоха. Конечно, он сам слишком встревожен и погружён в какие-то посторонние мысли, но мало ли! Это явно не тот случай, когда можно позволить себе рискнуть, даже в мелочах.

– Носи его не снимая, – проговорил Павле, мало успокоенный и такими восторгами жены. – Это артефакт.

– О! А какой?

– Он укрепляет здоровье и защищает от болезней. Ты, мой цветочек, такая нежная и хрупкая, я беспокоюсь. – Ралевич одарил молодую жену ещё одним сладким оскалом.

– Павле, ты такой заботливый!

Чара готова была спорить на свою руку вместе с проклятым браслетом, что он солгал, прямо и грубо, не ожидая от глупенькой Цветаны и намёка на подозрения.

Целительская магия имела два цвета: красный – прямое управление живой материей, и фиолетовый – её изменение. Этих оттенков, положенных целительской игрушке, в артефакте не было и близко, уж за это Чарген готова была поручиться. Да, она самоучка без хорошего образования, но привычную, знакомую магию совершенно точно бы углядела, пусть и без подробностей.

Нет, в сплетении золотых нитей мерцали желтизна и зелень, управление и изменение неживого. Чего? Как именно? Чара не могла оценить даже примерно, только понимала, что вещь наверняка исключительно сильна. Хотя бы даже из-за количества бриллиантов – самого мощного камня в артефакторике.

– Будем надеяться, тебе не придётся проверять его действие на практике, – отозвался Ралевич. Странно, но показалось, в этот раз он был вполне искренен. Надо ли говорить, что подобное Чаре совсем не понравилось! – Одевайся, мы скоро отправляемся.

Молодая жена упорхнула, то и дело поднося к лицу обновку, чтобы полюбоваться. Безумно сложное, запутанное плетение – вот так с ходу не удавалось припомнить, когда за свою долгую насыщенную жизнь, мошенница видела хоть что-то подобное. Безумно, невозможно дорогая игрушка! Увы, не стоило и пытаться её снять, для этого требовалось точно знать, куда и как приложить силу. А даже если бы Чарген знала ответ на этот вопрос, всё равно не справилась: магия этих цветов была слишком ей чужда.

Пока дошла до гардеробной, пока переделалась в лёгкое дорожное платье с коротким рукавом – нужно же похвастаться обновкой! – Чарген успокоилась и взяла себя в руки.

Что бы ни делал этот браслет, но он как минимум не мешал её собственной магии и никак на неё не влиял. Даже к лучшему, что он не целительский, а завязан совсем на другое направление. Меньше риск конфликта, да и не так страшно: он точно не действует на разум и не заставит болтать лишнее.

Ну а то, что драгоценность не снимается... Кисть руки – не голова, есть простой фокус, которым при необходимости можно воспользоваться. И удрать. Желательно прихватив ценную игрушку с собой. Для этого, правда, нужно разжиться экранированным ящичком, чтобы артефакт невозможно было отследить.

Узнать бы, что на самом деле делает это произведение ювелирного и магического искусства, но как? Спрашивать мужа бесполезно, как и о том, зачем он вообще нацепил эту драгоценность на молодую супругу. Точно ведь не подарок, иначе не стал бы врать и о его назначении. Но что?!

Чарген никогда не имела развитой интуиции, компенсируя отсутствие этого полезного чувства осведомлённостью. Не требовалось обладать ею и теперь, чтобы понять: Чара влипла в дурную историю и по-хорошему стоило бы сбежать прямо сейчас, не дожидаясь развития событий и плюнув на артефакт. Но до смерти было жаль потраченного на этого человека времени, сил и средств.

Три месяца она аккуратно собирала информацию и готовила маску, разыскивая подходящую девушку с подходящей биографией, отдала круглую сумму за левые документы. Целый месяц проживала в тесной убогой комнатухе, терпела скучные ухаживания жадного, неприятного типа, опускала глазки и томно вздыхала. Да она вчера вытерпела первую брачную ночь с этим неуклюжим индюком! И хотя девственность её была изрядно потрёпана и восстановлена магическим путём, но больно и противно было по-настоящему. А теперь что, сбежать, поджав хвост при первых признаках опасности?! Нет уж, без куша хотя бы в горстку хороших камней она не уйдёт!

На этой решимости Чарген бодро спустилась вниз, где уже ждали вещи. Ничего, она и поездку эту выдержит, зато потом Ралевич, пусть и вопреки собственным желаниям, щедро отблагодарит жену за проведённое вместе время...

В автомобиле супруг был задумчив и погружён в какие-то деловые бумаги, куда Чара, преодолевая собственное любопытство, ни разу не заглянула. Сидела, тарасилась в окно и теребила роскошный браслет на руке, то и дело на него поглядывая и искренне жалея, что на улице слишком тепло и глухое платье с длинными рукавами смотрелось бы неуместно. Боги с ним, истинным предназначением артефакта, но тут ведь издавна видно, что он стоит баснословных денег. А ну как грабители позарятся? С рукой ведь оторвут, им плевать будет, что он не снимается...

Дорога через город получилась долгой. Улицы оказались заполнены машинами, да ещё, как назло, по пути попало несколько аварий, так что до воздушного порта добрались за несколько минут до отправления. К счастью, носильщик подвернулся быстро и оказался достаточно расторопным, до посадочной площадки добежать успели. Ралевич, похоже, отлично знал, от какой именно причальной вышки отходит нужный рейс, поэтому спешил через вокзал целенаправленно. И на месте, судя по искренней радости и горячим благодарностям носильщика, расщедрился на хорошие чаевые, что тоже было на него не похоже.

Чару опять охватила тревога. Куда они летят, что происходит?!

Увы, на глаза по дороге не попало ни одного указателя, в вокзал они забежали через какой-то боковой неприметный вход и почти сразу попали в руки воздушной стражи, проверявшей документы на нужный рейс. Судя по всему, супруги Ралевич оказались последними пассажирами.

Паспорта проглядели наскоро, но сердце женщины в этот момент привычно подпрыгнуло к горлу: вдруг обман вскроется? Но нет, подделка оказалась хороша.

От здания вокзала к каждой из вышек тянулась линия узкоколейной железной дороги, опутавшей всю территорию порта плотной сетью. Пассажиров по ней возил почти игрушечный паровозик с небольшими, словно детскими вагонами. Сходство подчёркивалось их яркой, сочной раскраской. Семь штук, каждый выкрашен в свой цвет спектра – прелесть.

– Чему ты улыбаешься? – спросил Ралевич, когда они расселись и маленький чёрный локомотив тронулся. После проверки документов муж заметно повеселел.

«Тоже, что ли, с фальшивым паспортом летит?» – рассеянно подумала Чара.

– Такой симпатичный паровозик, и вагончики очень милые, – искренне ответила она.

– Всё же ты совсем ещё ребёнок, – снисходительно хмыкнул он.

Спорить Чарген не стала, только беспечно засмеялась и прикинула к окну, чтобы не смотреть на спутника. И хотя время для неё имело привычку растягиваться от беспокойства, именно сейчас оно изменило этой традиции: путь до причальной вышки оказался издевательски коротким и быстрым, как и подъём наверх, и посадка в дирижабль.

Каюта была просторной и по-настоящему роскошной, Ралевич явно не поскупился. Две комнаты, гостиная и спальня, своя уборная и даже душ. Чарген даже не пришлось изображать восхищение и удивление, потому что летать в таких условиях ей никогда раньше не доводилось. Кресла в общем салоне обычно вполне хватало, зачем переплачивать за несколько часов? Она, конечно, слышала, что богачи путешествуют в других условиях, но знать и видеть своими глазами – разные вещи.

Когда они оказались в каюте, Ралевич окончательно расслабился и повеселел. Точно ведь чего-то боялся всю дорогу... Из-за этого артефакта? Или у него безо всякого артефакта какие-то проблемы? Боги, да кому мог понадобиться этот тип, кроме аферистки вроде Чары?!

– Какая красота! – проговорила Чара, оглядываясь. – Но зачем нужна спальня?..

– Перелёт длинный, почти трое суток. Как тут без кровати?

– Трое суток? – ахнула Чарген. – Но куда мы летим?!

– В Норк.

– Куда? – переспросила потрясённо, хотя и с первого раза прекрасно расслышала.

– В Норк, столицу Регидона. Ты же никогда там не была? – усмехнулся Ралевич.

– Нет, никогда, – пробормотала женщина. – Мы полетим над океаном?..

– Бояться нечего, дирижабль – самый надёжный транспорт, – убеждённо отмахнулся Ралевич. – А на Норк стоит посмотреть, прекрасный город. В сравнении с ним Беряна – сонная провинция. Каждый раз, когда туда возвращаюсь, чувство, что уехал в деревню. Иди сюда, цветочек, ты же не очень устала с дороги? – довольно улыбнулся он.

– Не очень, – вынужденно призналась она, ласково улыбнулась и шагнула к мужу.

Сложнее всего оказалось побороть порыв вцепиться ему в горло. Чтòб ему посереть, этому индюку, куда он её тащит?! Да уж, теперь точно не сбежишь, не в океан же головой вниз! И что ей делать в этом проклятом Регидоне, если она не знает языка даже на уровне «да, нет, спасибо»?!

А старику Марчелису надо сказать большое спасибо за отличную работу: если его поделку даже здесь на паспортном контроле не разглядели, она ничем не хуже оригинала. Вот было бы весело, если бы Чарупрямо в порту взяли под локотки за подлог документов!

Растерянность и негодование вскоре сменились откровенной злостью.

Нет уж, она доиграет свою роль милой влюблённой глупышки и постарается вытрясти из Ралевича как можно больше.

А ещё сосредоточится на поисках компромата. И если что-то попадётся, не станет тратить силы и время на шантаж, а с огромным моральным удовлетворением передаст куда следует, пусть с муженьком следственный комитет разбирается. А что-то ведь непременно попадётся,

потому что... Легальные дела не бывают настолько внезапными, не прикрываются свадебным путешествием, не вызывают у опытного дельца столько волнения.

Нет, Ралевич влез в огромную кучу редкой дряни, и хорошо, если без политического душка. И она вслед за ним.

Впрочем, ладно, не стоит тратить силы и нервы на панику, сбежать никогда не поздно. Она и в Регидоне, если что, не пропадёт, уж как-нибудь выкрутится. Тут главное отобрать свой паспорт у муженька, а то он так и держит его у себя с самой свадьбы. Причём Чара бы совсем не удивилась, что держит намеренно.

Во всей сложившейся ситуации Чарген пока видела единственный жирный плюс: «жертву» она в этот раз выбрала исключительно удачно. Просто потому, что с каждой минутой общения Ралевича всё больше хотелось не только лишиться крупной суммы, но вообще пустить по миру без медяхи в кармане.

Глава 2. Покойники порой доставляют больше проблем, чем живые

Дорога получилась отвратительно длинной, тоскливой и трудной. В дирижабле Чаре некуда было деться от общества мужа, который тоже не имел полезного занятия и всё время посвящал супруге. Единожды приняв твёрдое решение, Чарген продолжала уверенно играть роль и обхаживать мужа, однако мысленно считала минуты до приземления. От улыбки уже начало сводить скулы, а единственной отдушиной оставались мечты и фантазии. Сначала о мелких гадостях на уровне соли в чай супруга, потом – о куда более крупных вроде цианида туда же.

Нет, он совершенно точно не отделается от неё легко! Чара пока ещё не знала, что такого плохого сделает мужу, но – обязательно сделает. Не убьёт, конечно, ввязываться в серьёзные преступления она не собиралась, но есть ведь куча вещей гораздо хуже смерти. Тюрьма, например.

Весть о прибытии в Норк Чарген восприняла с огромным облегчением. А сходя под руку с мужем по широкой винтовой лестнице причальной вышки, она вдруг отчётливо поняла: устала. Не только сейчас и от Ралевича, но вообще, от такой жизни. Слишком много ворчит, слишком много ругается, нет того азарта, который был поначалу, и даже ещё в прошлом году, с предыдущей жертвой, всё ещё горячил кровь. Ралевич, конечно, неприятный тип, но разве другие вызывали симпатию? Нет, дело совсем не в нём. Ну о чём можно говорить, если она всерьёз рассматривает вариант пожертвовать деньгами и сделать подарок СК?!

Да и удача начала отворачиваться слишком демонстративно, и игнорировать подобные намёки – последнее дело. Давно уже нет стремления доказать всему миру, что она сможет, какоеподстёгивалопоначалу, нет безысходности и нужды в деньгах, а теперь вот и азарта не осталось. Так есть лисмысл рисковать дальше?

Пора пожить для себя, решено. Осталось только вернуться домой...

Норк не вызвал у Чары симпатии с первого взгляда, начиная с собственно погоды, которой он встретил гостей из Ольбада, вынудив дирижабль садиться сквозь низкие тяжёлые тучи. Они укрыли город и все его окрестности толстым серым одеялом, лишь самую малость не цепляясь брюхом за вышки. К счастью, грозы не ожидалось, да и ветер был слабым, так что причалило воздушное судно без проблем.

Пассажиров и их вещи до вокзала довели несколько автобусов, выкрашенных в угрюмыйтёмно-зелёный – не чета радужнымвагончикам в Беряне. Да и само здание воздушного вокзала Чарген не понравилось всё по той же причине: слишком тускло и мрачно, и это впечатление не получалось списать на собственное плохое настроение.

Большое пустое пространство, похожее на железнодорожный дебаркадер – тёмный свод из чугунных арок, крытый чем-то серым. Через него спешили во всех направлениях люди, огромная прорва людей, и почему-то подавляющее их большинство тоже было серым. Серые плащи всех оттенков на женщинах, серые костюмы на мужчинах – каждый в отдельности был, наверное, не так уж плох, но всё вместе создавало давящую, тяжёлую атмосферу. Вкрапления коричневого, тёмно-синего и тёмно-зелёного совсем не спасали – окружающая серость, кажется, напозла на них туманом и стремилась подмять под себя.

Раздражали грязные цвета и суэта, нервировали крики шмыгающих в толпе торговцев всякой мелочью. В Беряне такие тоже были, но они сидели в симпатичных маленьких будочках с вывесками вдоль стен вокзала, а не путались под ногами.

И дело было, конечно, не в возрасте, о котором говорил Ралевич: в тридцать четыре при её стиле жизни сложно оставаться ребёнком даже в глубине души. Может быть, в Чарген была слишком сильна горячая ромальская кровь, доставшаяся от отца, или для этого вполне хватило бы ольбадской, или примеси мадирской с материнской стороны – неважно. Но Чара искренне любила яркие цвета, и отчасти поэтому любила Беряну и даже её жителей, несмотря ни на что.

А здесь... Даже в своём скромном светло-голубом плаще золотоволосая Цветана выделялась на фоне окружающих. И при необходимости смешаться с толпой ей тоже пришлось бы посереть. В прямом смысле.

Чара проводила тоскливым взглядом единственное попавшееся яркое пятно, женщину в апельсиново-оранжевом плаще. Та поймала её взгляд и, понимающе улыбнувшись, подмигнула. Тоже, наверное, ольбадка.

Стало немного легче, а потом они, наконец, выбрались наружу.

Воздушный порт, как и положено, находился в стороне от города, и вокруг большой площади раскинулись поля, обведённые кромкой леса. Тоже тёмные, кажущиеся сонными без солнца, но при взгляде на этот простор, на рассыпанное по одному из полей стадо бело-рыжих коров Чара испытала облегчение. В жуткой пещере дебаркадера начало казаться, что цветов в мире попросту не осталось, и расхожее выражение «чтоб мне посереть» заиграло новыми, особенно жуткими красками.

– Павле! – привлёк внимание окрик, и к ним подбежал мужчина лет тридцати пяти. – Чуть тебя не пропустил. А это что за прелестный цветок? Позвольте вашу руку, мэм!

Чарген вопросительно посмотрела на мужа, на всякий случай сцепив ладони за спиной и не спеша что-то там позволять странному типу, даже не подумавшему назваться.

– Это мой племянник, Хован Живко, представитель «Северной короны» в Регидоне. Цветана – моя жена, – сказано всё это было с какими-то очень странными интонациями. Как будто Ралевич имел в виду совсем другое, и собеседник это другое понял.

Племянник расплылся в довольной улыбке и всё же припал к руке, долгие уклоняться от этого ритуала на её месте было бы странно и нелепо. Однако, к облегчению Чары, долго мусолить её ладонь мужчина не стал, да и губы у него оказались сухими и тёплыми, а не мерзко-скользкими, как успело нарисовать её подстёгнутое окружающей серостью воображение.

– Очень приятно, – с ласковой улыбкой соврала Чарген.

Нельзя сказать, что новый знакомый сам по себе вызывал сильные отрицательные эмоции. Наоборот, на первый взгляд он показался гораздо более приятным человеком, чем Ралевич, и вполне мог оказаться таковым на самом деле. Дело опять было в муже и той истории, в которую он впутал Чарген. В дирижабле от этого удалось отвлечься, а теперь тревожные мысли одолели с новой силой. Артефактор явно продолжал тянуть Чару всё глубже, и та готова была видеть подтверждение этому даже там, где его не существовало.

Хован же... Мужчина как мужчина. Худощавый, среднего роста, с порывистыми и как будто немного нервными движениями. Лицо узкое, располагающе-никакое, глаза карие – типичный ольбадец. Чара решила, что из него получился бы прекрасный мошенник на доверии, причём безо всяких магических ухищрений, к каким приходилось прибегать ей самой: лицо приятное, но описать его словами не сможет даже опытный следователь, а к составленному по описанию портрету подойдёт пять ольбадцев из десяти и примерно каждый восьмой уроженец соседних провинций.

Одет он тоже был неброско, по местному обычаю. Чёрный костюм в тонкую белую полоску, в руке – чёрная шляпа с полями. Тёмные короткие волосы тщательно прилизаны, словно мокрые, и блестят. Пожалуй, Чарген больше всего не понравилась в нём именно причёска, какой щеголяли многие регидонцы вокруг: такое ощущение, что волосы грязные, засаленные. Непонятно, кому вообще такое может нравиться?!

– Павле, а у тебя есть брат или сестра? – спросила Чарген, когда они пошли к автомобилю.

– Нет. Хован – сын моего кузена, ты видела его на приёме.

– Прости, там было столько новых лиц, – покаялась женщина, хотя кузена вспомнила, они с Ралевичем были очень похожи.

Пока усаживались в машину – тоже чёрную, и Чара чувствовала, что скоровозненавидит тот цвет вместе со всеми оттенками серого, – Живко болтал о погоде и прочих пустяках. Рассказывал, куда стоит сходить в городе, и список на две трети состоял из ресторанов, баров и подобных заведений. Это показалось странным: вряд ли здесь не имелось других достопримечательностей, всё же столица, большой город. То ли Хован любил поесть, а то ли – выпить. Последнее вызывало сомнения, на пьяницу и кутилу он совсем не походил.

Живко устроился за рулём и, когда машина тронулась, обратился к Ралевичу на незнакомом Чаре языке. Видимо, на местном. Муж ответил легко – кажется, регидонский он знал отлично.

– А что он сказал? – любопытно захлопала глазами женщина.

– Не обращай внимания, цветочек, отдыхай и наслаждайся поездкой. Мы о работе, – отмахнулся артефактор.

Чарген едва не скрипнула зубами от досады. Ну почему его понесло именно сюда?! Она прекрасно знает пять основных языков Ольбада, ещё на нескольких умеет объясниться и способна понять суть сказанного. Но, как назло, совсем не те!

Регидонский произошёл от одного из малопопулярных теперь на континенте языков, на котором сейчас разговаривали в единственной провинции, Алвии, и то не во всей. Впрочем, даже зная она алавийский, это вряд ли помогло бы: насколько Чарген знала, за время независимого существования Регидона местный язык ушёл от прародителя достаточно далеко.

Но она всё равно пыталась прислушиваться и краем глаза следила за мимикой мужа. Вдруг удастся что-нибудь заметить и понять хотя бы так?

Увы, Чара улавливала только отдельные имена и слова, но картина не складывалась даже в общих чертах, и вскоре это занятие окончательно надоело.

Не получалось и наслаждаться поездкой, что советовал Ралевич. Когда поля оказались позади и машина въехала в Норк, вернулись мысли о серости и беспросветности этого угрюмого места. Что в нём нравилось Ралевичу, Чарген так и не поняла, и это только добавило неприязни к мужу.

Улицы оказались зажаты и похоронены между высоченных домов-небоскрёбов – квадратных, тёмных, таких же однотонных, как и местное население. Чарген не страдала клаустрофобией как таковой, но здесь явственно ощущала близость приступа, почти задыхалась, с тоской вспоминая поля возле воздушного порта.

Дома давили, они словно склонялись над копошащимися на улицах людьми. Казалось, ещё немного – и потянут длинные каменные руки, чтобы раздавить. Машин на улицах было огромное количество, все гудели, ползли еле-еле, и это лишь усугубляло неприятные впечатления.

Возненавидеть кого-то с самого момента знакомства Чаре ни разу не доводилось: она привыкла считать, что люди слишком сложные и разные, и при желании в каждом из них можно найти что-то хорошее. Даже в Ралевиче. Но вот искать хорошее в Норке ей совершенно не хотелось, и женщина понимала: с этим местом её именно она, ненависть с первого взгляда. Причём Чаргенне удивилась бы взаимности этого чувства, город казался живым и от этого ещё более неприятным.

В просторном зеркальном фойе явно недешёвого отеля, расположенного в одном из небоскрёбов и, кажется, занимавшего его целиком, опять стало легче. Чара не любила такой вот напыщенной, грубой роскоши – позолота, претенциозные хрустальные люстры в духе Исторического театра, багряные ковровые дорожки, предупредительные слуги в мундирах. Но после

растекающейся за стенами серости глубокие, насыщенные цвета и блеск радовали глаз и дарили отдых.

Номер оказался больше её собственной квартиры, которую Чарген всегда считала очень просторной. Обстановка тоже впечатляла роскошью, но без такого обилия золота и хрусталя, как в холле, и на новом месте мошенница осматривалась с облегчением. Дверь номера открывалась в пышную гостиную-столовую, оттуда можно было попасть ещё в одну гостиную, на этот раз совмещённую с гардеробной. Две двери по левой стороне вели в отдельные спальни, каждая со своей ванной, и Чара почти искренне возжелала расцеловать Ралевича за такой выбор. Справа дверь имела всего одна, и вела она в кабинет. Вновь посоветовав жене отдыхать, муж со своим родственником заперся именно там.

Чара попросила чаю и осталась во второй гостиной наблюдать, как немолодая горничная раскладывала их багаж. Конечно, с куда большим удовольствием и пользой она бы послушала, что происходит за закрытой дверью и о чём говорят мужчины, но увы, оставалось лишь терзаться догадками и делать вид, что ей это неинтересно.

Надолго гость не задержался, и буквально через несколько минут мужчины вышли в гостиную. Ралевич закрыл кабинет, заявил, что на некоторое время отлучится по делам «Северной короны», и опять посоветовал жене отдыхать. Та ласково оскалилась в ответ, желая супругу провалиться и не возвращаться больше никогда, а вслух – сладко пожелала хорошего дня, наступив на горло собственному желанию поинтересоваться, как всё происходящее сочится в голове дражайшего супруга со «свадебным путешествием».

Горничная продолжала возиться с вещами, пытаться незаметно вскрыть при ней кабинет Чара не стала и, как послушная жена, начала отдыхать. В первую очередь – от мужа, для чего идеально подходила горячая ванна. Пока та наполнялась, женщина сидела на бортике, тоскливо глядя в окно и жалея, что не прихватила с собой никаких книг. И что Ралевич закрыл кабинет, и у неё пропадает такой чудесный предлог туда забраться.

Чарген безусловно понимала, что валяться в номере просто так – почти преступная трата времени, которое стоило бы посвятить выяснению деталей происходящего. Но она пока не имела представления, откуда начать, и это нервировало. Чужой город, чужая речь, чужие люди вокруг, и никого знакомого. А перед совершением любых решительных действий стоило успокоиться.

Получилось, и даже слишком: Чара банально задремала, пристроив голову на краю ванны. Наверное, сказались несколько напряжённых дней рядом с Ралевичем, когда ни на минуту не удавалось расслабиться.

Проснувшись она в итоге от холода, вода успела остыть. Ругаясь сквозь стучащие зубы, схватилась за лейку душа и вынула пробку. Мытьё немного времени, потому что голову она мыть поленилась, благо на дирижабле проблемы с водой не было. И всё равно после душа Чарген почувствовала себя свежей, отдохнувшей и бодрой. Набросила халат, обернула голову полотенцем. Несколько секунд посмотрела в гардеробной на собственное расслабленное отражение и решила одеться. Вдруг муж вернётся уставшим? Не стоит соблазнять его собственной наготой и доступностью, глядишь, удастся этой ночью спокойно, без неприятных ощущений, выспаться.

Платье выбрала вполне подходящее к местным реалиям, тёмное: в чёрно-зелёную клетку, чуть ниже колен, прямое и с длинными рукавами, оживлённое только белым воротничком и манжетами. Волосы собрала в тугий узел и сама себе показалась похожей скорее на строгую учительницу, чем на неземное юное создание. Да, из образа она выбилась, но вполне могла сказать, что пыталась последовать местной моде, чтобы драгоценному Павле было рядом с нею не стыдно.

Только обуваться не стала, предоставленные гостиницей тапочки были хоть и велики, но всё равно гораздо уютнее туфель. После чего всерьёз задумалась, чем бы заняться теперь, и

наконец заметила то, на что стоило обратить внимание с самого начала: дверь кабинета была слегка приоткрыта. Бесшумно проскользнув по паркету к двери, Чара насторожённо прислушалась. Неужели Ралевич уже вернулся?

– Павле? – тихо позвала она, взявшись за ручку.

Ответила тишина, и Чара решительно толкнула дверь.

Потянуло сквозняком, шторы надулись парусами, на безупречно чистом столе зашевелились листы в единственной тонкой и без того разворошённой стопке. Артефактора не было. Пришёл и ушёл?

Чарген, поминутно оглядываясь на вход, подошла к окну, которое при ближайшем рассмотрении оказалось дверью на небольшой балкон. Совсем неинтересный и неприятный, не вяжущийся с общим видом номера. Вид оттуда отрывался на стену соседнего здания, расположенного по ощущениям совсем близко, да и было на нём пусто и уныло, только жалась в углу одинокая урна с намертво въевшимися следами пепла. Чара припомнила, что про запрет курения в номерах их предупреждали в фойе.

Сбоку к балкону примыкала бесконечная пожарная лестница. Чарген представила себе спуск с нынешнего двадцать какого-то этажа, и от одной только мысли об этом закружилась голова. Захлопнув дверь, чтобы не просквозило после ванны, всё же на улице было свежо, женщина вернулась в комнату. Подошла к столу, с интересом заглянула в документы, лежащие в открытой папке, тонкой и безликой. Переложив пару листков и заинтересовалась ещё больше: это были какие-то схемы и вычисления, явно магической направленности.

Уж не тот ли артефакт, который красовался на её руке?..

Проглядев длинные сложные формулы и ни строчки в них не поняв, Чара тихо ругнулась сквозь зубы. Было бы у неё нормальное образование, всё это оказалось бы куда понятнее!

Впрочем, если бы у неё было нормальное образование, вряд ли она бы находилась здесь.

Потом в руку попался эскиз, подтвердивший догадку: на нём был набросок того браслета, который «подарил» ей муж.

Чарген замерла, закусив губу. Соблазн был велик. В документах явно содержались ответы на все её вопросы об этом украшении. Показать бы их компетентному специалисту, и тогда...

Проклятье, ну почему Ралевич не мог потащиться куда-нибудь поближе, а не в Регидон?! Там эти знакомые у неё были!

В этот момент Чара задала себе вопрос, который следовало бы задать раньше: а почему вообще такие ценные бумаги дорогой – во всех смыслах – муж бросил на столе? Мог бы и в сейф убрать, вон он. Или, что вероятнее, взять с собой. Значит, он точно уже вернулся и в любой момент может сюда войти.

Показалось или через приоткрытую дверь кабинета действительно слышались негромкие шаги?

Чарген поспешно сложила листы как были и устремилась к выходу, пока её не застигли на месте преступления. По дороге взгляд зацепился за кофейный столик между парой кресел, спрятавшийся у стены за дверью. На столике стояла початая бутылка игристого и два бокала. Неужели мужчины что-то праздновали? Так Павле вроде терпеть не может эту, как он выражается, «шипучку»...

– Павле? – окликнула она снова, уже громче, выходя в гостиную с гардеробом. Дверь в следующую комнату тоже была приоткрыта и даже не захлопнулась от сквозняка. – Ты вернулся?

Муж не отвечал, хотя Чара вдруг пронзительно-остро ощутила, что в соседней комнате кто-то есть. По спине скользнул холодок дурного предчувствия, но мошенница тут же разозлилась себя на эти глупые чувства, решительно толкнула дверь и шагнула через порог.

– Вы?.. – ахнула она, но тут же опомнилась и исправилась: – Вы кто такой? Что вы здесь делаете?!

Стеван Шешель, следователь следственного комитета города Беряна, на мгновение прекратил обыскивать шкафы и тумбочки, бросил на Чаргеноценивающий взгляд через плечо. В своём сером костюме, белобрысый, он очень походил на местного уроженца, и если бы она не знала этого человека, точно приняла бы за регидонца.

– Весёлая вдова? – кривовато усмехнулся господин Сыщик. – Только без воплей.

– Вдова? Да что такое вообще... – Чарасделала несколько шагов к следовательной снова замерла, потому что заметила ноги лежащего на полу тела, которое до сих пор скрывала от неё длинная скатерть круглого обеденного стола. – Это вы его?... – пробормотала потерянно, подходя ещё ближе.

Ралевич лежал навзничь, раскинув руки и пялясь в потолок остекленевшим взглядом. Полы расстёгнутого пиджака раскинулись, открывая густо залитую кровью рубашку. Из груди трупаторчала рукоять ножа. Кажется, для бумаг.

– Не люблю присваивать чужие подвиги, так что и хотелось бы, но – нет. А не вы ли?..

Чара мотнула головой, не в силах отвести взгляд от покойника.

Ощущение было до безумия странным. Всего несколько часов назад она разговаривала с этим человеком, мысленно ругала, питала искреннее отвращение и даже прикидывала, как можно быстро и надёжно отправить его к богам. Но ведь это было не всерьёз! Да, он неприятный, даже противный, и наверняка совсем не порядочный, но... за что его понадобилось убивать?!

Вид мертвеца вселил страх. Не перед ним самим, а перед тем, кто это сделал, и причиной, по которой Ралевича убили. Точно ведь влез в какие-то тёмные дела, и как бы те, кто это сделал, не попытались добраться до... как Шешель сказал, весёлой вдовы?

Следом за страхом шла досада, лёгкая жалость и странное чувство неловкости. Как будто она сказала про мужа какую-то гадость, неприятную ему и не предназначенную для его ушей, а он случайно услышал.

И главное, Чара никак не могла понять, что ей нужно сейчас сделать. Постараться задержать Шешеля, не поверить ему? Вызвать местную стражу? Или удрать подальше, пока не началась тщательная проверка документов, пока подлог не вскрылся и пока в этом преступлении не обвинили её?..

– Где бумаги твоего мужа? – выдернул её из суетных метаний голос следователя.

– Вы не ответили, кто вы такой и что здесь делаете! – опомнилась Чара.

– Спокойно, я из следственного комитета Беряны, Стеван Шешель. Можешь не представляться, тебя я и так знаю. Так...

– И почему я должна вам верить? – перебила Чарген.

Сбросив оцепенение, она почувствовала, что вместе с ним ушли суетные опасения и непонятные, непривычные эмоции в адрес покойного мужа. А их место занял знакомый азарт, вызванный появлением Шешеля. Оказалось очень приятно точно знать, кто он такой, догадываться, зачем сюда пришёл, но делать вид, что первый раз его видит.

– Не верь, – легко согласился он. – Бумаги где? И щит?

– Какой щит? Да я сейчас стражу вызову! – пригрозила она и пошла к телефону.

– Вызывай, – легко согласился господин Сыщик, привалился плечом к шкафу, даже не думая её задерживать. – Я отболтаюсь, в конце концов у меня правда нет резона убивать Ралевича, а вот повесить этот труп на тебя – слишком заманчиво, чтобы они отказались от этой версии. Он ещё тёплый, слизистые даже не начали сохнуть. Я наверняка спугнул убийцу, а вот тебя или нет – большой вопрос. Так где бумаги? – добавил он с удовлетворённой улыбкой, видя, как Чара замерла, не донеся руку до трубки аппарата.

– Ты уйдёшь, а меня всё равно посадят? – Изображать дальше вежливость, когда сам мужчина и не начинал этого делать, она посчитала глупым. К тому же они так давно знакомы,

что перейти на «ты» подмывало постоянно. Почему бы не воспользоваться моментом? Главное, вернуться обратно потом, когда снова влезет в шкуру мышки Биляны Белич.

А с другой стороны, с чего бы ей возвращаться? Чара ведь решила завязать, зачем ей эта тусклая девица!

С ответом Шешель замешкался – кажется, не ждал от растерянной вдовы такого резкого перехода к хладнокровной рассудительности. А потом стало поздно, разговор прервали: запахнулась входная дверь и в гостиную решительно вошли трое. Все в костюмах и при шляпах, все рослые и крепкие, светлокожие и светловолосые, как большинство регидонцев, и все – с оружием.

Мгновение немой сцены, когда старые и новые действующие лица сознавали присутствие друг друга. А потом один из пришельцев что-то резко скомандовал. Кажется, приказал убить, потому что все трое одновременно подняли оружие. Чарген испуганно зажмурилась и вскинула руки в нелепом, инстинктивном защитном жесте, прекрасно понимая, что от пули это не спасёт. Вообще ничего не спасёт.

Хлопки выстрелов прозвучали одновременно, на удивление тихо, вместе с ними – какой-то непонятный перестук за спиной, вскрики. Со звоном лопнула стеклянная дверца одной из полок, что-то влажно просвистело и тяжело, мягко грохнулось об пол. Чара приготовилась к боли, но почему-то той не последовало. Вместо этого ещё через долю секунды прозвучали два новых хлопка, заставивших дёрнуться.

Ещё мгновение тишины – ни боли, ни приближающейся смерти. Неужели?..

– Щит! – резкий голос Шешеля отвлёк её от попыток осознать себя по-прежнему живой, твёрдая рука крепко стиснула плечо, сильно встряхнула, так что клацнули зубы. – Ну!

– Какой щит?! – Чара распахнула глаза и уставилась на следователя. – Мне больно! Кто все эти люди, что происходит?!

– Щит, артефакт. Где он? Он на тебе?

– Не знаю... Вот? – зацепившись за понятное слово, Чарген поддёрнула рукав и продемонстрировала браслет. Сыщик перехватил предплечье, вывернул его так, чтобы удобнее было рассматривать.

Чарген пришлось последовать за собственной рукой и прижаться грудью к локтю следователя, чтобы избежать травмы: хватка у того оказалась железной.

– Мне больно! – вскрикнула она, запоздало трепыхнувшись. Получила от Шешеля в ответ недовольный взгляд, но захват тот, однако, ослабил.

Опомнившись, женщина искала взглядом нападающих, но те уже неподвижно лежали на полу. Кажется, тоже были мертвы, как и Ралевич.

– Снимай, – велел следователь, опять привлекая к себе внимание.

– А как? – с совершенно искренним недоумением спросила Чарген. – Я не знаю, его Павле надевал...

Следователь тихо ругнулся, и надежда на освобождения от этих красивых кандалов умерла, не успев родиться: похоже, правильного воздействия он тоже не знал.

– Ладно. Тогда второй вопрос, где документы? Должно быть описание!

– Там, в кабинете, – не стала больше упираться Чара.

– Прекрасно, тут ещё и кабинет есть! – вздохнул Шешель и, не выпуская запястья женщины, поспешил в соседнюю комнату.

– Это ты их? – спросила Чарген, нервно массируя руку, когда в кабинете мужчина наконец отпустил её, чтобы быстро пролистать лежащую на столе папку.

– Одного. Двух ты рикошетом. Правда, только ранила, я добил. – Говоря это, следователь аккуратно сложил бумаги, старательно завязал верёвочки. Упёрся ладонями в стол по обе стороны от папки и смерил женщину немигающим, острым взглядом. – Как бы его с тебя теперь снять?

Чара нервно вскинула руку к груди, второй в защитном жесте обхватила запястье с браслетом. Шешель смотрел так, словно прикидывал, в каком месте пилить: ограничиться рукой или уж сразу начать с шеи. Конечно, вряд ли он прибегнет к членовредительству, всё-таки следователь и законопослушный человек...

Наверное.

Должен быть.

Чарген очень на это надеялась.

Но ни до чего додуматься они оба опять не успели и продолжить разговор – тоже. Кто-то громко забарабанил во входную дверь и закричал на плохом ольбадском, интересуясь, всё ли у постояльцев нормально.

Чарген нервно захихикала, следователь – опять выругался.

– Сейчас я открою и постараюсь оглушить их, потом пойдём вниз, надо отсюда выбираться. Главное...

– Тут есть пожарная лестница, – перебила его Чара, кивнула на балкон.

Шешель подскочил к двери, распахнул её, выглянул.

– Иди сюда.

– Но я в тапочках! А паспорт?.. – промямлила Чарген неуверенно.

Тратить время на уговоры и объяснения следователь не стал, опять схватил её за запястье, выволок на балкон. Там задёрнул шторы и постарался плотнее прикрыть за собой дверь, после чего потащил спутницу к лестнице. Проклятые тапки так и норовили соскользнуть, и Чара мысленно отругала себя за тягу к уюту: ну что ей стоило всё-таки надеть туфли?!

С другой стороны, могла ведь и халат полениться снимать...

Сваренные из тонких круглых труб или прутьев ступеньки больно били по пяткам и пальцам, холодили стопы, тапки скользили по металлу, норовили сорваться с ног и подворачивались. А следователь настойчиво тянул за собой, не давая ни секунды передышки.

Чарген обуреваемая злостью, окончательно вытеснившая остатки страха. Хотелось грязно ругаться и кричать, но дыхания и без того не хватало, да и голова от бега по лестнице начала кружиться. И женщине оставалось только мысленно проклинать мужа, который даже умереть спокойно не мог, хотя бы на родине, обязательно было доставить ей столько проблем!

Через несколько этажей тапка всё-таки слетела, причём совсем, неудобно отскочив куда-то в сторону и проскользнув между перилами лестницы. Чара всё же не сдержалась и выругалась вслух, не останавливаясь, скинула и вторую. Правда, намного легче от этого не стало: теперь подворачиваться начали уже собственные ступни, вскоре совершенно окоченевшие от холодного и сырого металла.

Какой бы бесконечной ни казалась лестница, но до вожаемой земли они всё же добрались. Только здесь Чара разрешила себе обернуться, запрокинуть голову и взглянуть на лестницу в поисках погони. Которой почему-то не было.

– Они что, не заметили нас? – сипло, задыхаясь, спросила она следователя.

– Это ненадолго. – Тот, всё так же на буксире, потащил её за запястье дальше, вокруг здания.

Идти босиком по асфальту было не намного приятнее, чем по ступенькам, но хотя бы не так больно. Зато гораздо противнее: узкая щель проулка между соседними небоскрёбами оказалась грязной и замусоренной, хозяева очевидно предпочитали не тратить много сил на уборку там, где всё равно никто из гостей не ходит.

Обогнув здание, беглецы завернули на задворки отеля. Здесь тянулась ещё одна улица, заметно уже той, что вела к парадному крыльцу, но всё же поприличней покинутого переулка. Тут располагался чёрный ход здания, и прямо сейчас из небольшого потрёпанного фургона разгружали ящики, кажется, с овощами. Занимались этим трое парней в потрёпанных мешко-

ватых штанах и майках, на которых Чара в другой ситуации с удовольствием полюбовалась бы подольше: крепкие, плечистые – картинка!

Кроме грузчиков, людей здесь было немного, пара случайных прохожих да наблюдающий за разгрузкой тип в белом фартуке – наверное, помощник повара. Так что солидный господин в костюме и шляпе, который садился в одну из машин, припаркованных на противоположной стороне улицы, сразу бросился Чарген в глаза.

– Гожкович! – ахнула она и поспешила спрятаться за Шешелем. Хотя и тощий, но всё-таки он был повыше неё и уж точно шире в плечах. Про ширину юбки она в этот момент не подумала.

– Партнёр твоего мужа? – сообразил следователь, в этот момент оценивающе разглядывающий фургон. Повернул голову, но предмет обсуждения уже захлопнул дверцу и рассмотреть его стало невозможно. – Это исключено, он не собирался никуда лететь. Ты уверена?

– Не знаю, – тут же засомневалась Чара. – Но очень, очень похож!

– Ладно, пёс с ним. Пойдём, – решив что-то для себя, Шешель потянул её в сторону, через дорогу, к ряду припаркованных автомобилей, и зашагал вдоль них, то и дело заглядывая в окна и оборачиваясь на здание отеля.

Потом остановился и торопливо стащил пиджак, продемонстрировав спрятанную под мышкой кобуру. Держащие её ремни охватывали костистые плечи следователя, контрастно выделялись на фоне белой рубашки и придавали худощавой фигуре неожиданно грозный вид. Гораздо более опасный, чем пистолет в руке, который Шешель достал из крепления.

Следователь отточенными движениями, явно не в первый раз, одним ему понятным образом намотал пиджак на руку с оружием. Ещё раз воровато оглядевшись, коротко, почти без замаха ударил рукоятью по боковому стеклу. То хрустнуло, пошло трещинами, но устояло, а вот пары следующих ударов уже не выдержало.

Открыв дверь, следователь убрал оружие и нырнул в салон, перебрался на водительское место.

– Садись, быстрее! – окликнул Стеван совершенно деморализованную увиденным Чарген, не отрываясь от непонятной возни в окрестностях приборной панели и под ней.

Чара взяла небрежно сброшенный на пассажирское место пиджак, поспешно вымела им осколки на улицу. Шешель глянул на это искоса, но только хмыкнул себе под нос и ничего не сказал.

– Мы угоняем машину, – пробормотала себе под нос Чарген, с облегчением опускаясь в кресло. Захлопнула дверь, постаравшись сделать это тихо. – Нет. Ты, следователь СК, угоняешь машину! Я схожу с ума...

– Наоборот, наконец выглянула в настоящий мир, – усмехнулся Стеван в ответ. Под его руками что-то щёлкнуло, скрежетнуло, а через мгновение автомобиль звонко затарахтел мотором. – Надеюсь, этой развалюхи хватит хотя бы на несколько кварталов. Опusti стекло, осколки же торчат, видно. И улыбайся, что ли! У тебя такой вид, как будто я тебя похитил.

– А разве нет? – огрызнулась Чарген, но ручку стеклоподъёмника покрутила и смахнула всё тем же пиджаком осколки. Даже расслабленно облокотилась на дверь, немного высываясь в окно с таким видом, словно ей жарко.

– Можешь идти на все четыре стороны, только артефакт отдай.

– Сними и забирай!

– Пока могу забрать только с рукой, чем и занимаюсь, – отмахнулся господин Сыщик. Чихающий автомобиль, кажется, мечтал заглохнуть, но пока держался и исправно катился по улицам. – Сама понимаешь, единственная альтернатива пока – отрезать тебе кисть.

– Спасибо, она дорога мне как память! – недовольно проворчала Чара.

– Я почему-то тоже так подумал, – усмехнулся Шешель. – Поэтому будь паинькой, и всё закончится хорошо. Больно не будет.

– А ты сам разве не можешь его снять? Ты же, в отличие от меня, знаешь, что это такое!

– Я следователь, а не артефактор, – пожал плечами Стеван. – И вообще не маг. Так, несколько полезных фокусов знаю, но и только. Машину вот завести без ключа могу.

– Слушай, ты точно следователь? – возмутилась наконец Чара. – Угоняешь машины с пугающей лёгкостью, тех троих прикончил – не поморщился... Может, и Павле ты убил? Хотя бы вот даже из-за этого артефакта?..

– Может, но вряд ли, – возразил он. – Во-первых, у меня есть пистолет, и зачем бы при этом пользоваться неудобным ножом для бумаги, с его вычурной гардой и фигурным навершием? Об него, по-моему, скорее сам покалечишься, чем кого-то убьёшь. Во-вторых, таким оружием бить в грудную клетку – плохая идея. Рукоять неудобная, упор условный, лезвие тоже не пойми из какой стали. Об рёбра сломать – как нечего делать. Гораздо удобнее и эффективней целить в горло, оно меньше защищено. Но это уметь надо.

– Избавь меня от этих подробностей! – опомнилась Чарген, ошарашенная поворотом разговора. – Ты... Ты вообще нормальный? Как следователь может рассуждать о подобных вещах?!

– Со знанием дела, – со смешком отбрил Шешель и тему менять отказался, продолжив рассуждать вслух. То ли так подначивал растерянную спутницу, то ли ему правда нравилось теоретизировать. – С другой стороны, скорее всего, его сначала ударили в живот, полагаю, повредили печень. Но вряд ли он умер сразу, последний удар в сердце был, похоже, попыткой добить. Бестолковой, но убийце повезло попасть между рёбрами. Удары слишком слабые, непрофессиональные, это скорее женская рука, чем...

– Я его не убивала! – резко возразила женщина.

– Может быть. Но ты, знаешь ли, не очень похожа на скромную и нежную Цветану Лилич, на которой твой муж женился.

– Я выросла в пансионе, – поморщилась Чарген, мысленно показывая собеседнику язык.

Это она в первый момент растерялась и не поняла, как держаться с этим типом, но, пока бежали, успела обдумать линию поведения. И прийти к выводу, что выбирать какую-то чересчур чуждую роль не обязательно, более того, слишком сложно и чревато неприятностями. Она всё же не настолько профессиональная актриса, чтобы сжиться с ролью в экстремальных обстоятельствах. Конечно, Чарген очень надеялась, что самое страшное позади, но почему-то совсем в это не верила. А при том обороте, который приняли события, слишком легко проколоться в самый неподходящий момент, который непременно настанет, и очень скоро.

Нет уж, гораздо удобнее подобрать что-то близкое, естественное, по возможности оставаться самой собой. К тому же найти подходящее объяснение такого поведения оказалось несложно, оно буквально напрашивалось само собой.

– Про что я и говорю, – следующий взгляд следователя получился острым, оценивающим.

– Ты, видимо, плохо представляешь, что это такое, – усмехнулась она. – Нежные воздушные создания в таких местах не выживают, это ведь приют, только называется иначе. Змеинный клубок строгого режима, где защитить некому. Хочешь жить – быстро научишься показывать зубы. И прикидываться трепетным цветочком, чтобы на тебя уж точно не подумали. Это скорее на тюрьму похоже, чем на родной дом.

– А как же влюблённая овечка? – насмешливо покосился на неё следователь. Кажется, поверил. – Неужели всё так банально и дело в деньгах?

– Ты его видел? – скривилась Чарген. – Самодовольный обрюзглый старикашка. Не знаю, как меня не стошнило от его поцелуев.

– Вот сейчас было обидно, – расхохотался Шешель.

– Тебе-то почему?

– Он старикашка, а я всего на пять лет моложе.

– Ну ты гораздо симпатичней. Тощий, правда, но обаятельный, – поделилась наблюдениями Чара, старательно давая улыбку.

Это оказалось по-особенному, удивительно приятно: говорить ему именно то, что думала именно она, а не должна была думать в этот момент выбранная маска. Чарген вообще редко удавалось говорить то, что думает, откровенничать она могла только с матерью, но обычно и желания такого не возникало. Вот только господин Сыщик отличался от всех остальных: он был гораздо интересней и сложнее. И с ним было гораздо интересней. И... сложнее, да.

– Спасибо, утешила, – фыркнул следователь. – Но ты меня порадовала.

– Чем?

– Я чуть было не уверовал в чудо, когда поглядел на общение Ралевича с молодой женой. Ты отличная актриса.

– Жизнь заставила, – пожала плечами Чара. – А вообще мне интересно, неужели вот такие вроде бы умные, но страшенькие, скучные типы с единственным достоинством – большими деньгами... Неужели они правда верят, что молодая красавица может влюбиться именно в них? Ладно, бывают мужчины, которые эффектны и в возрасте, тот же Гожкович, если ему немного похудеть, будет ничего. Он обходительный, галантный, с великолепными манерами, с ним приятно разговаривать. Бывают харизматичные, которые вызывают восхищение независимо от возраста и внешнего вида. Или, например, опытные хорошие любовники. Но вот у такого, как Павле. У него же есть только деньги. Но он ведь поверил в мою влюблённость!

– Самонадеянность свойственна всем людям без исключения. Многие считают себя лучше и умнее других. Ты вот сейчас тоже. Почему ты решила, что он поверил в твою влюблённость? – спросил Шешель.

– А почему нет? – Чара беспечно пожала плечами. – Зачем ему ещё жениться?

Хотя тут Чарген уже лукавила, она прекрасно понимала, к чему следователь клонит. И даже была с ним внутренне согласна. Просто для её плана не имело значения, принимает Ралевич любовь Цветаны за чистую монету или нет, ей требовался доступ к телу. То есть к сейфу.

– Трахать смазливую молоденькую жену, которая не требует лишнего, гораздо приятнее, проще и удобнее, чем морочиться с любовницами или платить профессионалкам. Например, – предположил следователь.

– Ну да, может быть. Зато мне теперь достанутся его деньги, верно?

– Верно. Если в завещании не указано другого. – Улыбка у сыщика вышла крайне глумливой и мерзкой, только этого было недостаточно, чтобы Чару проняло. Она и без замечаний следателя не рассчитывала на эти деньги. А вот Цветана...

– Чтоб ему посереть, – проворчала она. – Индюк старый!

Она бросила рассеянный взгляд на собственные ноги, от которых всю дорогу старалась отвлечься болтовнёй. Очень хотелось осмотреть их и оценить повреждения, которые точно были: в стопах после лестницы пульсировала тупая, ноющая боль, кожу слегка саднило – кажется, успела поцарапаться, и не один раз. Но машину сыщик выбрал скромную, было в ней очень тесно, да ещё и темно. Не только из-за смыкающихся над головойзданий и туч, на город явно опускался вечер.

И не залечишь же! Там наверняка кровь, и если под грязью обнаружатся чистые гладкие пяточки, следователь может заинтересоваться, он наблюдательный.

– Да ладно, не кисни, – усмехнулся вдруг Шешель. – Будешь себя хорошо вести, может, владыка тебя пожалеет.

– А при чём тут он? – озадачилась Чарген и внутренне подобралась. Упоминание владыки было не к добру, но напрямую относилось к тому, во что она вляпалась. Господин Сыщик явно не из тех, кто станет бравировать высокими знакомствами ради красного словца, и если он помянул правителя – то совершенно сознательно и по делу.

Следователь пару секунд помолчал, кажется решая, стоит откровенничать или нет, но потом всё же пояснил:

– По результатам расследования Ралевич, скорее всего, будет обвинён в измене. Посмертно. Всё имущество отойдёт стране. Его часть в «Северной короне» владыка, вероятно, отдаст в управление наиболее достойному доверия из оставшихся партнёров, а из остального движимого и недвижимого имущества какую-то часть вполне может пожертвовать юной вдове, которая старательно оказывала содействие следствию. Ты же окажешь?

– Каким это, интересно, образом?

– Я не уверен, что получится снять артефакт здесь и сейчас, – честно ответил следователь. – Я в них не понимаю ни грамма, ты тоже, а в человеческих ресурсах я здесь здорово ограничен. Можно, конечно, вывихнуть тебе палец и попробовать снять эту игрушку, но я не уверен, что это поможет и что она от этого не испортится, а образец хотелось бы доставить в хорошем состоянии. Поэтому твоё добровольное сотрудничество будет полезно.

– Не надо мне палец... вывихивать, – поёжилась Чара. – Я согласна помогать. Всё равно мне как-то надо вернуться домой, а у меня теперь даже документов нет.

– Разумно, – похвалил Шешель.

– Нам долго ещё ехать? И куда мы вообще направляемся? На угнанной машине до Беряны?

– Заманчиво, но – нет. Боюсь, она столько не протянет, – с совершенно серьёзным лицом ответил следователь, многозначительно похлопав по рулю. – Попросим кое у кого помощи. Как минимум переночуем и поедем. Сейчас ещё немного отъедем, потом пройдемся пешком.

Чарген страдальчески скривилась, но жаловаться не стала. Какое-то время они петляли по серым одинаковым улицам молча, под тарыхтение мотора. Причём казалось, что петляют они совершенно бессистемно, а когда в очередной раз проехали приметный перекрёсток, предположение превратилось в уверенность.

– Стеван, ты что, заблудился?

– Это было бы забавно, – усмехнулся он. – Почему ты так решила?

– Мы уже проезжали это место.

– Наблюдательная. Нет, всё под контролем. Нужно убить время и сделать вид, что машину бросили, когда кончился заряд. Немного осталось.

– От кого мы так старательно удираем?

– Ото всех, – ответил он. Помолчал. – А у тебя железные нервы, девочка из пансиона. Мне начинает казаться, что сотрудников для комитета ищут не так и не там.

Чарген раздосадованно прикусила губу, благо уже достаточно стемнело, и Шешель не мог этого видеть. Вот тут она, конечно, прокололась. Просто... закатывать истерику только ради поддержания легенды, когда каждая минута на счету, было хотя и профессионально, но слишком рискованно. А сейчас уже поздно. И что делать? Врать про тяжёлое детство до пансиона? Увы, нет, в биографии настоящей Цветаны такого не было, а господин Сыщик вполне мог изучить её на досуге.

– Ну уж какие есть, – пожала она плечами.

От дальнейших объяснений Чару спас заглухший автомобиль. Шешель что-то неразборчиво проворчал себе под нос и на инерции докатился до обочины, благо улица была пустынной, где и затормозил.

– Всё, приехали, дальше ногами.

– Долго? – обречённо спросила Чарген, открывая дверь.

– Полчаса. Час. Как пойдёт.

Дверь поддавалась с большим трудом и со скрипом, как будто за время пути успела приклеиться или приржаветь, пришлось навалиться всем весом. Шешель тем временем выбрался с другой стороны, огляделся. По пустынной улочке за это время проехала пара машин, прохо-

жих на узком тротуаре не было совсем. Свет давал единственный на весь переулок фонарь на высоте четвёртого этажа, только освещал он скорее сам себя, чем дорогу.

Женщина ступила на тёмный асфальт, морщась от неприятных ощущений в потревоженных ногах. Предстоящая пешая прогулка босиком удручала.

Но, с другой стороны, сейчас хотя бы не нужно бежать. Мама вон по огороду босиком ходит, говорит, полезно, и у Чары детство было по большей части босоногим. А асфальт, если подумать, даже лучше лесной тропинки: всё-таки он относительно ровный, пусть мелкие камушки под ногами и мусор не добавляли удовольствия. Главное, чтобы битых стёкол не было, но тут стоило уповать только на везение.

– Откуда ты так хорошо знаешь город? Часто здесь бывал?

– Нет, внимательно изучил карту и запомнил, где находится всё нужное. Тут всё довольно просто и линейно, это не Беряна, – улыбнулся Шешель. – Пойдём.

– Я не убивала Ралевича, ты его не убивал, – заговорила Чара через несколько шагов. – Но кто-то же это сделал! Те, кто пришли за артефактом?

– Зависит от того, кто это был, – рассеянно отозвался он, на ходу надевая пиджак. – Я не знаю, кому именно твой мужхотел продать разработку и кто был в курсе будущей сделки. Местная разведка не пошла бы на убийство, им это не надо. Клань могли, но тогда я бы не спугнул преступника, а лежал там с дыркой в голове. Впрочем, они и за нож для бумаг не взялись бы, профессионалы...

– Клань? – уточнила Чара. – Что это?

– Как можно было лететь в чужой город и ничего о нём не узнать? – попенял следователь, выразительно прицокнув языком.

– О том, куда я лечу, я узнала в дирижабле, – проворчала Чарген. – Расскажи, всё равно идти долго.

– Ладно. Значит, слушай, расклад такой...

Глава 3. Первое впечатление обманчиво, но его чаще всего хватает

Не зря Норкне понравился Чаре с первого взгляда. Со второго он не нравился ещё больше, а с третьего, более пристального, вызвал навязчивое желание вернуться домой вот прямо сейчас.

Официальная власть в городе значила не так уж много. То есть что-то и для кого-то она, конечно, решала, но в основном для простых граждан, работяг, которые жили и работали в этих бесчисленных огромных зданиях. Реальная же власть находилась в руках кланов – больших группировок, каждая со своим главой, которые управляли денежными потоками. И преступный мир, и вполне законопослушные предприятия – всё находилось в одних и тех же руках.

Норк был поделен на сферы влияния, насколько Стеван знал, пятью крупными кланами. Была ещё парочка мелких, но почему их не смяли и не сожрали более сильные соседи и почему вообще их именно столько, он мог только предполагать, потому что в этот вопрос никогда не углублялся, необходимости не было.

– Вот те трое, которые стреляли, точно из какого-то клана, – добавил Шешель. – Правда, из какого – понятия не имею, их не так-то просто различить, это знать надо.

– Какой ужас, – поёжилась Чара. – Как они тут живут?

– Да как обычно, – спокойно отмахнулся следователь. – То есть оно, конечно, довольно криво всё и очень далеко от идеала, но не настолько плохо, как ты думаешь. По сути, это те же удельные местечковые князья из периода раздробленности Ольбада. Вся полнота власти в руках единственного человека, мало связанного законами, так что жизнь его подданных полностью зависит от личных качеств правителя. От них всегда многое зависит, но здесь особенно.

– Князья преступников казнили.

– Это если преступники не работали на них, – усмехнулся Шешель. – Ну смотри, такая проблема, как торговля людьми для нелегальных работ или тех же борделей. В Беряне этого нет? Да если бы! Мы с этим боремся, и очень старательно, и по всем фронтам, но полностью решить её не удаётся уже много лет. Здесь же подобные вещи контролируются главами кланов. И если в одном месте это выливается в полное беззаконие, то в другом – всё, может, посправедливей, чем у нас. Например, у одного из глав есть жёсткий принцип: ни при каких обстоятельствах не трогать детей. И если у нас, несмотря ни на какие законы, никто от этого не застрахован, то здесь можно быть уверенным: принцип будет выполняться. Потому что закон официальный всегда гораздо мягче вот такого неофициального. А здесь один раз поймали за руку, перерезали полсотни причастных, включая тех, кто знал, но не заявил, и в следующий раз желающих уже не найдётся. Жестоко? Жестоко. Работает? Работает.

– Слушай, ты точно следователь, а? – покосилась на него Чара. – Ты должен быть справедливым и благородным! Законы защищать!

– Пф-ф! – пренебрежительно фыркнул он. – В мои должностные обязанности входит расследование преступлений, в крайнем случае – их предотвращение и защита мирных граждан. А благородство – это к старой аристократии, вот им по статусу положено.

– Что, и действительно такие существуют? Ну, прям настоящие, благородные аристократы?

– Случается, – усмехнулся Шешель.

– Покажешь, когда вернёмся? – само собой вырвалось у Чарген. – Я думала, они только в сказках и встречаются...

– Покажу, – неожиданно спокойно согласился он. – Я нескольких знаю. Кое у кого – вообще случай клинический до полной сказочности.

– Как это?

– Сказочные идиоты, – рассмеялся Стеван. – Да нет, про идиотов это шутка, конечно, – вдруг исправился он. – Но степень благородства – действительно, почти как в сказках. – Шешель хмыкнул, пару секунд помолчал, а потом с иронией продолжил: – А вообще, знаешь... Да чтоб мне посереть! Если подумать, их, благородных, в Беряне не так уж мало. Правда, в основном в офицерской среде, они там могут себе это позволить.

– А ты что, нет?

– В лучшем случае порядочность, – хмыкнул Шешель. – И то по большим праздникам.

Чарген так и не поняла, насколько следователь был серьёзен, а где – шутил. Но уточнять на всякий случай не стала, ну его.

Вместо этого она страдальчески пробормотала, опять вляпавшись в какую-то грязь в потёмках:

– Да когда мы уже придём?!

– Топай, топай. В конце тебя ждёт горячий душ, еда и, возможно, какая-нибудь обувь. Если повезёт.

– Если повезёт? А куда мы вообще идём? Почему нельзя официально попросить помощи, ты же следователь!

– Посольство далеко, и прямо перед ним нас и поймают, потому что одинокой девушке в чужой стране действительно больше некуда обратиться за помощью и там тебя будут ждать. Официальные каналы вообще очень плохи тем, что их легко отследить. Не хватало нам ещё подёргать за хвост местную контрразведку! Так что – тихо воспользуемся неофициальными.

– Ну ладно, а почему мы идём по тёмным подворотням? Неужели тут нет другой дороги? Или это обязательная часть неофициальных каналов – должно быть грязно, темно и противно?

– Интересная идея, – хмыкнул Шешель. – Нет, просто по освещённым улицам ходит местная стража, которая наверняка нами заинтересуется.

– А если нами интересуются какие-нибудь грабители? Это что, лучше? – не поняла Чара.

– С ними проще договориться, – заявил Шешель.

– Ты это серьёзно сейчас?

– Стражу можно предложить только деньги, а если вдруг попадётся честный – то вообще ничего. А против грабителя у меня есть пистолет.

– Думаешь, у него нет?

– Цветочек, ты же умная девочка. Ну как можно настолько прямо и грубо ставить под сомнения достоинства и способности своего кавалера? – с весёлым укором протянул Стеван. – Кавалер расстроится, будет переживать, станет только хуже.

– Ты не кавалер, ты мой билет домой. А документы надо проверять!

– Не отходя от кассы, так что ты в любом случае опоздала, – отмахнулся следователь. – Но всё же какой потрясающий цинизм в столь юном возрасте! Начинаю думать, что Ралевичу повезло так быстро и легко умереть.

– Я не собиралась его убивать! – возразила Чарген. – Вообще никак – ни быстро, ни медленно.

– Какие твои годы, вы только поженились! – усмехнулся Шешель. – Что, неужели планировала так и жить долго и счастливо с этим... как ты его назвала, индюком?

– Нет, – проворчала она, ощущая, что ступает на очень тонкий лёд. – Я надеялась найти вариант получше и тогда развестись. В крайнем случае, родить ему наследника, а потом подливать какое-нибудь средство, чтобы отбить всякое желание делить со мной постель.

– Страшная женщина! – с отчётливыми нотками восхищения проговорил следователь.

Показалось или правда поверил? Чара очень надеялась на второе.

– Я никого не просила подбрасывать меня при рождении в приют.

Шешель в ответ как-то неопределённо хмыкнул, и разговор на этом прервался.

Повисшее молчание вызвало у Чарген противоречивые эмоции. С одной стороны, следователь перестал задавать вопросы и нервировать перспективой разоблачения. И это безусловно было хорошо, потому что Чару и так навязчиво преследовало ощущение, что он давно догадался о её обмане, просто сейчас, пока они в одной лодке, ему не хочется тратить время и нервы на препирательства.

Но с другой стороны, сам этот разговор, манера общения собеседника приводили её в восторг. Хотелось говорить и говорить, без разницы о чём, можно вообще без предмета, только ради процесса пикировки.

Зря она беспокоилась, что забудет, какая она под всеми своими масками. Вот в этом лёгком, непринуждённом общении вся шелуха удивительно легко слезала. Может, потому, что у Чарген не было достаточно времени, чтобы хорошо продумать линию поведения с этим человеком, может – дело было в каких-то особенных свойствах его характера. Может, у него талант такой, вытаскивать из окружающих людей подлинную суть? Наверное, очень полезное качество в работе.

И вроде, понимая это, следовало быть ещё больше настороже, но – не получалось.

«Точно пора завязывать, теряешь квалификацию», – укорила себя Чара.

А потом тесный переулок загрозила массивная фигура какого-то человека. Лица его видно не было, только контур, слабо подсвеченный фонарём в конце прохода между домами. Чарген с трудом сдержалась от неуместного хихиканья: а она ведь предупреждала!

Тип что-то отрывисто гавкнул на регидонском, и мошенница отступила за спину следователя – не то в инстинктивной попытке к бегству, не то во вполне сознательном стремлении не мешать отстреливаться. Но первому ответил замечанием и смешком второй, перекрывший путь к отступлению.

– Вроде не черноглазая, – со смешком уронил себе под нос Шешель. Чарген подавила повторный нервный смешок. Как раз черноглазая, да ещё с ромальскими корнями – идеальный предмет деревенских суеверий!

А следователь тем временем совершенно спокойно ответил громиле на его языке, не испытывая затруднений и даже, наверное, без акцента. И Чара поняла, что её это совсем не удивляет. Ну да, такой, как он, вряд ли потащился бы в другую страну, не зная языка. Тем более по делу, а не на экскурсию.

Здоровяк ответил как будто с неохотой, недовольно и недоверчиво, Шешель – продолжил стоять на своём и то ли доказывать что-то, то ли объяснять.

Обмен репликами занял от силы минуту, в которую Чарген успела неоднократно проклясть чужую страну с её чужой речью. Она всё ждала, ждала, пока господин Сыщик схватится за оружие... А громила вдруг что-то недовольно буркнул – и растворился в тени, освобождая дорогу.

– Пойдём, – следователь опять взял её за запястье и потащил дальше.

– Что ты им сказал?! – выдержки Чарген хватило ровно на десять шагов. За которые мужчина успел выпустить её руку, удостоверившись, что отставать она не собирается. Или его больше интересовало отсутствие преследователей?

– Что мы спешим, да и денег у нас нет, зато есть важное дело. Они оказались вежливыми, пожелали хорошей ночи и отправились искать более состоятельных клиентов, – так легко и уверенно, на одном дыхании выдал Шешель, что Чара готова была поручиться: ответ он продумал заранее, то ли пока разговаривал с громиллой, то ли потом.

– Стеван! – обиженно окликнула она. – Ну тебе сложно, что ли? Или хочешь, чтобы я тебя поугovarивала? Ну хочешь, поцелую?

– Мне нравится эта идея, – вдруг согласился тот. Остановился почти под фонарём, повернулся к ней, сцепил руки за спиной. – Целуй.

Чарген пару секунд в растерянности смотрела на Шешеля, пытаясь угадать, какой именно он ждёт реакции. То есть как, с его точки зрения, должна отреагировать на подобное предложение Цветана Ралевич, в девичестве Лилич. Смутиться? Чмокнуть в щёку? Так она вроде бы не давала повода посчитать себя робкой или застенчивой...

Тогда что?

Но гадать быстро надоело, поэтому она, приподнявшись на носочки, для устойчивости оперлась ладонями на плечи мужчины и быстро коснулась губами тонких сухих губ.

Внутренне Чарген напряглась, ожидая, что Шешель попытается припугнуть её или проверить реакцию ещё каким-то способом, например, обнимет и постарается продлить поцелуй. При этом она, правда, спокойно признавала, что не имеет ничего против и даже отчасти хочет такой вот... проверки. Всё-таки сосед давно был ей симпатичен, а уж после Ралевича – и вовсе мужчина мечты. Покойного мужа вообще хотелось вытеснить из памяти как можно скорее и по всем фронтам. Его слюнявые поцелуи – особенно.

Но ничего такого Шешель, конечно, не сделал. Только усмехнулся и странно вскинул брови – Чарген не поняла, какую эмоцию это должно было выражать.

Ондаже дразнить её дольше не стал, развернулся и зашагал дальше, на ходу отвечая на заданный вопрос:

– Просто я подготовился к поездке. Точнее, договорился с главой одного из кланов, который, по оперативной информации, не имел отношения к Ралевичу. Мы сейчас не на его территории, но я знаю, что и как говорить, чтобы подобная шушера не рискнула лезть. Говорю же, в этой их системе есть определённые плюсы, – он пожал плечами и добавил после короткой паузы: – Если не пытаться честно работать в местной страже.

– И какой ценой договорился? – подозрительно спросила Чарген.

А то, может, и ей нет никакого смысла нервничать и скрывать свою истинную личность? Признается, что на самом деле она мошенница и аферистка, а он легко отмахнётся и назовёт всё это мелочами жизни и недостойными внимания фактами биографии. А что, если он так легко воспринимает договоры с преступниками, почему бы не расширить это правило ещё и на неё?

«Какая же ерунда в голову лезет!» – раздражённо одёрнула себя Чара.

– Свёл с нужными людьми, – отозвался Шешель. Выдержал театральную паузу, которую женщина смиренно выслушала, и продолжил. – У него есть некоторые легальные интересы в Ольбаде, а у меня – много знакомых.

– И это всё?

– А что ещё надо было? Принести вассальную клятву или ритуально зарезать пару младенцев? Так и я его просил о мелочи. Можно сказать, мы дали друг другу рекомендации в определённых кругах.

– Нет. Я совершенно не так представляла себе работников следственного комитета...

– Я уже понял.

– А про пистолет ты зачем говорил?

– Они могли и не внять предупреждению.

– И ты бы их убил, – с расстановкой проговорила Чарген – утвердительно, потому что спрашивать тут было не о чем. – Всё-таки в голове не укладывается. Ты же положительный герой, спасающий, ты не можешь так спокойно убивать!

– Ну и чушь же у тебя местами пытается уложиться в голове! – рассмеялся в ответ Стеван. – Лучше выкинь это всё поскорее и не подбирай больше баяку. Тебе точно есть семнадцать?

– Точно, – буркнула она.

– С чего это я вдруг стал положительным, да ещё героем?

– Да не в этом дело! – нервно отмахнулась Чара. – Не придирайся к словам. Просто... Вот я понимаю, когда убивают в приступе ярости, или страха, или отчаяния, когда это какой-то порыв, самозащита. Даже хороший человек может сорваться и совершить плохой поступок. Но не так хладнокровно и расчётливо, это... неправильно! Неужели все следователи так себя ведут? И в Беряне...

– Нет, – оборвал её Шешель. Но ничего не пояснил, а вдруг сообщил: – Ты забавная.

– Может быть. Что – нет?

– Нет, в Беряне мне чаще всего не приходится прибегать к такому способу решения проблем. Там у меня есть *законные* средства, а здесь – нет, потому что я буквально в тылу врага и нахожусь здесь нелегально. Но даже дома при задержании случается стрелять на поражение.

– Я понимаю, но... Неужели тебя это совсем не беспокоит? Говорят, убить человека очень сложно, даже сознательно, даже при необходимости!

– А, вот ты о чём! Издалека зашла, – хмыкнул он. – В общем да, так и есть.

– Но?

– Но бывают исключения. Считаю, я просто немного сумасшедший, – он выразительно покрутил рукой у виска.

– Ладно, а что забавного во мне?

– Хотя бы то, что ты старательно пытаешься считать и называть меня хорошим. Так непривычно, даже приятно, – протянул следователь таким тоном, что Чаре очень захотелось его стукнуть. – Неужели для этого достаточно пообещать вернуть домой и не отрезать артефакт вместе с рукой?

– А как называют обычно? – Последний вопрос спутника Чарген предпочла посчитать риторическим.

– Сволочью, – с отчётливой гордостью сообщил Шешель. – Я даже подумываю сменить имя, потому что это слово я слышу гораздо реже, особенно в сочетании с фамилией. Ты чего? – озадачился он, когда спутница издала какой-то странный сдавленный звук.

– Звучит, – с новым смешком пояснила Чара.

– Смешно? – спросил он, бросив на неё взгляд. Движение головы Чарген заметила, а вот прочитать выражение в сумраке, к сожалению, не смогла.

– Смешно, – подтвердила покладисто.

– Всё-таки ты очень забавная, – тихо заметил Стеван.

Откуда такой вывод, Чарген не поняла, но спрашивать уже не стала, вместо этого поинтересовалась более насущным:

– Нам долго ещё идти? Я ног не чувствую. Давно.

– Нет, уже почти на месте, – обрадовал следователь. – Ещё пара минут.

Только теперь Чара, наконец, обратила внимание, что город вокруг изменился. Причём, кажется, в лучшую сторону. Освещения не прибавилось, но зато дома уменьшились до четырёх-пяти этажей, стояли они теперь реже, перемежаясь двориками, да и под ногами, кажется, стало чище. Правда, асфальт стал хуже, попадались ямы и лужи, но их Чарген действительно почти не замечала. Даже страшно стало, не отморозила ли она себе ноги совсем. На улице вроде не очень холодно, да и дождь, к счастью, так и не начался, но...

– Здесь приятнее, чем было среди небоскрёбов. Это какой-то элитный район?

– Наоборот, – усмехнулся Шешель. – Обычный, жилой. Это там была элита, где небоскрёбы. Центр города.

– Что ж у них в элитных местах такие грязные подворотни?

– А те, кто чем-то там владеет, по подворотням не ходят. Нам сюда.

– Насколько же подробно ты изучил карту города? – озадаченно качнула головой Чарген, сворачивая к нужному входу. – Ты тут ориентируешься так, словно полжизни прожил!

– Я вообще талантливый, – отмахнулся он.

Нужная квартира оказалась на первом этаже. После преодоленного расстояния такая мелочь, как отсутствие необходимости ползти по лестнице без лифта куда-то на самый верх, показалась Чарген маленьким счастьем.

Тесная лестничная площадка на три квартиры, тусклый осветительный шар в потолке – довольно унылое зрелище, заставившее Чару в очередной раз ностальгически вспомнить свою уютную квартирку в тупике Пропавших Капитанов, семнадцать. И вяло ругнуть Ралевица. Покойник, конечно, и всё-таки его немного жаль, но... вот зачем он связался с Регидоном?!

Шешель шагнул к левой двери – обшарпанной, когда-то давно выкрашенной в зелёный цвет, уже изрядно облезлый и полинявший, – пару раз стукнул кулаком. Зашипел от боли, ругнулся, потряс рукой и ещё пару раз ударилнойгой.

Впустили их далеко не сразу. Голос из-за двери сначала долго что-то выяснял у Шешеля – настолько долго, что это успело надоесть не только Чаре, но, кажется, и самому следователю. Слов Чарген, конечно, не понимала, разговаривали на регидонском, но отчётливо слышала зазвучавшее в голосе спутника раздражение.

Человек за дверью в конце концов сдался и загромыхал замками. Один, второй, третий... На пятом Чара сбилась, а подозрительный хозяин жилья продолжал скрипеть и щёлкать. Женщина рассеянно подумала, что с такими мерами предосторожности он должен хранить дома как минимум ящик золота.

Но замки закончились, и дверь открылась – на удивление тихо, без скрежета. Чарген уважительно хмыкнула, оценив толщину преграды: ободранная деревяшка была прикреплена поверх, кажется, сплошной железной плиты. Точно золото-бриллианты должны быть!

– Он что, штурм собирается переживать? – не выдержав, шёпотом спросила Чара, когда они с Шешелем прошли в тесную прихожую.

– Никогда не знаешь, что доведётся пережить, девушка, – с акцентом, но на очень неплохом ольбадском ответил маленький сухонький старичок. – И доведётся ли! Направо, в кухню. Не разувайтесь, у меня не убрано.

– Я бы с радостью, – недовольно буркнула себе под нос Чара, шагая за следователем. За спиной опять защёлкали замки – один, второй, пятый... Кажется, всё-таки девять.

Кухня, судя по всему, была большой, но поверить в это мешало обилие хлама. Друг на друге громоздились шкафы и полки разного цвета, формы и степени сохранности – от пола до потолка, вдоль всех стен. Даже над обеденным столом, приткнутым в углу, висели две полки, причём одна загораживала другую и не позволяла до конца открыть дверцу.

Однако осветительный шар в потолке горел ярко, столешница, в отличие от пола, была чистой, а жестяная мойка – девственно пустой, без горы грязной посуды. На широченном подоконнике зеленели настоящие джунгли из растений в горшках, и вообще в этом необычном месте оказалось до странности уютно.

На вынутый сыщиком из-под стола табурет Чара опустилась с подозрением, сначала внимательно осмотрев поверхность, однако та тоже оказалась чистой. Шешель плюхнулся на своё место не глядя.

– Так чего вам, кроме переночевать? – в кухню прошаркал, постукивая палкой, всё тот же старик. Тяжело опустился на последний, третий стул, стоявший в стороне от остальных, у мойки.

Сутулый, почти лысый, с бельмом на левом глазу, в тёплом потёртом халате поверх неопределённо-серой застиранной рубашки... Хозяин квартиры совсем не походил на агента и надёжного человека, к которому мог бы обратиться за помощью сыщик из Ольбада, зато прекрасно вписывался в своё жильё. Только такой вот грустный одинокий старичок и мог жить в подобной норе.

– Девушке показать, где можно вымыть ноги, желательно подобрать хоть какую-нибудь обувь. Поесть чего-нибудь, побольше. И взглянуть на один артефакт. Для начала. Я же правильно понимаю, кое-что вы в них понимаете?

– Кое-что. Позвольте вашу лапку, мэм, взгляну на размер. Ай, крошечка какая! – поцокал языком старик, когда Чара вытянула к нему ногу. Женщина недовольно поморщилась, разглядывая при ярком свете слой грязи, брызги которой доходили до колен. – Поищем, поищем, но вряд ли. Не обувной же магазин, да.

– И бинты какие-нибудь дайте, – попросил Шешель, тоже с интересом разглядывая женскую ногу.

– Пойдёмте, мэм, я покажу ванну. Горячей воды нет, можно нагреть. Если сэр...

– Я так справлюсь, – со вздохом отмахнулась Чара. Было, конечно, заманчиво понежить измученные ноги в горячей воде, но гораздо сильнее хотелось смыть грязь, не дожидаясь окончания возни с водой.

Ванная выглядела так, словно её целиком перенесли из какого-то другого, более... богатого места и втиснули в эту квартиру. Соседство сказалось, лишило горячей воды и батареи бутылочек с ароматными средствами для получения удовольствия от мытья, но не сломило дух прежней красоты. Вычурный, в прекрасном состоянии антикварный шкафчик под мраморной раковиной, бронзовые краны, отделённый изящной ширмой туалет, огромная ванна на мощных лапах, отделка мрамором трёх цветов – в отеле, где поселился Ралевич, всё выглядело скромнее.

Кран, когда его открыли, взвыл голосом раненого медведя. Чарген от неожиданности шарахнулась, а остававшийся в кухне Шешель через мгновение возник на пороге с пистолетом наготове.

Один только хозяин оставался невозмутим. Подождав, пока кран проплюётся ржой и вода потечёт нормальной, ровной струёй, старик с размаху стукнул по трубе своей палкой. Чара опять вздрогнула, а кран странно булькнул – и вой захлебнулся.

– Мыло вот, полотенце, – хозяин тростью указал на неприятного вида сероватый брусок, лежавший на краю раковины, и достал из шкафа под умывальником серое полотенце такого вида, словно им долго мыли пол. Но Чарген было уже всё равно, лишь бы отмыться, поэтому она только понимающе кивнула. Мужчины вышли.

Много времени мытьё ног и рук в ледяной воде не заняло, прочие удобства совмещённой с уборной ванной работали исправно, аполотенце, несмотря на непрезентабельность, оказалось восхитительно чистым. Дольше Чара сидела, обернув ноги мягкой от ветхости тканью и пытаясь согреть их после прогулки и мытья. Хотеларассмотреть, чтобы оценить повреждения, но уставшая спина плохо гнулась, да и свет здесь горел слишком тускло. Прибегать же к магии, пусть только для диагностики, она не рискнула, мужчины могли заметить.

Впрочем, даже холод и боль не умаляли удовольствия от долгожданного ощущения чистоты. Очень хотелось принять душ, но на такой подвиг именно сейчас Чара была не способна: ни с ледяной водой из крана, ни с ведром подогретой на плите. Последнее особенно пугало, стоило подумать о поливании на себя ковшиком и попытках промыть таким способом волосы.

Происходящее всё сильнее напоминало Чарген её собственное детство, и напоминание такое сложно было назвать приятным. Тогда и мыться приходилось абы как, и обуви не было, даже зимней, да и еды особо тоже – им приходилось выживать, порой буквально чудом. Но мама оказалась достаточно сильной и стойкой, чтобы выдержать всё. Сохранить ребёнка – её, Чару, – потом найти способ добыть деньги. Незаконный, но в то время это её уже не остановило. С деньгами стало легче. Потом родился Ангелар, с которым восьмилетняя Чара возилась, пока мама искала новую «жертву» и источник дохода.

Именно тогда, ребёнком, она пообещала себе, что у Гера будет хорошее, настоящее детство. И начала фанатично, очень старательно учиться, чтобы поскорее вырасти и суметь помочь маме с деньгами.

В кухню Чарген вернулась, аккуратно ступая на цыпочках – пол действительно оказался грязным, а никакую обувь ей не дали, даже временную. Двигалась на запах – одуряющий, напрочь лишаящий воли запах еды. Старика на кухне не нашлось, у плиты возился Шешель. Пиджак его висел на спинке стула, рукава белой рубашки были небрежно закатаны, а вот кобура оставалась на месте, и всё вместе это выглядело... странно. Как будто он не еду готовил, а страшный яд для врагов.

Но даже если яд, пахло сногшибательно. Наверное, потому, что Чарген последний раз ела на дирижабле перед посадкой в Норке, то есть почти сутки назад.

Чаре подумалось, что, если господин Сыщик всегда столь регулярно питался, это истощающе объясняло его худобу. Где уж тут набрать веса! И сама она, наверное, за время общения с ним сбросит пяток килограммов – не то от беготни, не то от голода, не то от нервов. И это плохо, потому что собственная фигура женщину устраивала – уже хотя бы потому, что устраивала тех мужчин, с которыми приходилось иметь дело.

– Бинты, – заметив её появление, Шешель кивнул на появившийся на столе деревянный ящичек, выключил плиту под сковородой и под как раз закипевшим чайником.

Пока следователь заваривал чай или что-то вроде, Чара знакомилась с содержимым домашней аптечки. Знакомство не порадовало: пузырьков и баночек там была уйма, но подписаны все оказались на регидонском. Бинты-то она, конечно, опознала, но хотелось бы намазать под них что-нибудь полезное...

– Или уже не надо? – озадачился Стеван, заметив, как она вяло перебирает бутылки.

– Надо. Но я не понимаю по-регидонски, сейчас как чем-нибудь намажу...

Следователь окинул её выразительным насмешливым взглядом, тщательно вытер руки полотенцем и с грохотом подтащил стул со своим пиджаком поближе.

– Ладно, не мучайся, окажу тебе первую помощь, – решил он и уселся. – Давай сюда свои страшные раны.

Кокетничать и изображать невинную деву прошлого века, для которой прикосновение постороннего мужчины аж как стыдно и ой никак не возможно, Чарген не стала. Положила ноги добровольному помощнику на колени и расслабленно откинулась на дверцу шкафа.

Удерживая правую стопу за пятку, Шешель приподнял её повыше, повернул так, чтобы попадало больше света, принялся с интересом разглядывать.

– Больно? – спросил, пару раз нажав на какие-то точки.

– Больно, – поморщившись, согласилась Чара. – Всё плохо?

– Да нет, не очень, – спокойно пожал плечами следователь, поворачивая ступню, помял. Чарген морщилась, но терпела – хоть было больно, но ещё и приятно, руки у него оказались очень тёплыми, а после ледяной воды вовсе казались горячими. – Если ты не орёшь и не плачешь, значит, ничего серьёзного нет, – подытожил он, опять пристроил её ногу на собственном колене и выбрал из пузырьков один.

– А вдруг я терпеливая?

– Да какая бы ни была терпеливая, когда мнут перелом или сильный ушиб – взвоешь, – хмыкнул следователь.

Он взял кусок ваты, намочил густой, резко пахнувшей жижей грязно-зелёного цвета и принялся смазывать стопу целиком. Множество мелких царапин сразу начало жутко саднить, но Чарген лишь скрипнула зубами, со свистом втянув сквозь них воздух, и прикрыла глаза.

Шешель неопределённо хмыкнул, поднял ногу за пятку и подул на ранки, почти как мама в детстве. Чара тут же распахнула глаза и уставилась на него в растерянности, недоверчиво. Однако следователь сохранял прежнюю невозмутимость, словно ничего эдакого он сейчас не

делал. Наложив поверх мази тонкий слой ваты, он принялся сноровисто бинтовать. Ловко, быстро, плотно, но нетуго – у самой Чарген бы точно так аккуратно не вышло

– И ты ещё удивляешься, почему я считаю тебя хорошим! – не удержалась от улыбки Чара. Немного склонила голову к плечу и вот так, искоса, принялась наблюдать за следователем – спокойным, расслабленным. Каким-то... удивительно домашним сейчас, вот в этой рубашке с закатанными рукавами. – Даже, наверное, замечательный, хотя и стараешься этого не показывать, – тихо заметила себе под нос, но собеседник, конечно, услышал.

– Никому об этом не рассказывай, – отозвался Шешель взялся за вторую её ногу. – А вообще, можешь и рассказать, всё равно не поверят.

– Значит, ампула циничного и язвительного сыщика – плод долгой работы? – задумчиво спросила Чарген. – От кого прячешься?

– погоди, дай-ка угадаю... Сейчас ты начнёшь рассказывать мне про детские травмы, их последствия для моего скорбного разума и способы их преодоления, – усмехнулся следователь. – Откуда вы все берёте эти глупости? И почему я обязательно должен прятаться?

– Ну... как-то не вяжется вот это всё с прежним образом, – она широко повела рукой.

– Мне оставить тебя разбираться с лекарствами самостоятельно? – Стеван насмешливо вскинул брови. – Имей в виду, если ты на самом деле настроена поговорить о моих несчастьях и проблемах, я так и сделаю.

– Ну проблемы или нет – этого я не знаю, всё-таки я не врач, – тут же пошла на попятную Чарген. – Но я не вижу другой причины, которая могла бы подтолкнуть тебя к оказанию вот такой помощи, кроме искреннего человеческого сочувствия. Да и до этого... ты, конечно, порой поступаешь и высказываешься очень резко, но отвечаешь на вопросы, заботишься, оберегаешь. По-моему, это совершенно нормально и очень по-человечески. Сложно, знаешь ли, тебя с таким отношением ко мне считать плохим...

– Милое дитя, я, конечно, согласен, что большинство людей – порывистые идиоты, которые сначала делают, а потом думают, и то не всегда, – с иронией проговорил Шешель, опять берясь за бинт. – Но причислять себя к этому большинству категорически не согласен. Да и о твоих способностях был лучшего мнения. А если подумать?

– Не знаю. Я устала и не могу думать, – проговорила она, вновь прикрывая глаза. – Объясни, раз ты и до этого не считал зазорным рассказать мне, что происходит.

– Это логично и разумно, – спокойно отозвался Стеван. – Я же объяснял, мне нужно доставить артефакт в Ольбад в целостности и сохранности. Артефакт привязан к тебе, значит, либо тебя надо убить и забрать его, либо везти вас вдвоём. Убить – слишком радикально, я к таким мерам стараюсь прибегать только в крайнем случае. А если не убивать, то разумно добиться от тебя добровольного всестороннего содействия: здесь и так слишком много проблем и противников, чтобы записывать в них ещё и тебя.

– Ну и как всё это объясняет твою заботу? Ты же знаешь, что я и так никуда не денусь – некуда мне бежать.

– Легко. Исполнительному дураку или человеку военному достаточно просто приказать, а ты явно натура деятельная и решительная. И боги знают, что ты решишь, если не будешь понимать, что происходит. Если обращаться с тобой плохо и грубо, запугивать и обижать, ты вполне можешь попытаться удрать при первой же возможности, уже хотя бы для того, чтобы избавиться от неприятного общества мерзкого сыскаря. Ну и зачем мне целенаправленно усложнять себе жизнь, если гораздо проще проявить к тебе немного необременительной заботы и человечности?

– Вот видишь, ты только что аргументированно подтвердил, что ты и правда хороший, – не удержалась от улыбки Чара. – Уже хотя бы потому, что понимаешь, почему людям нужна забота и что такое человечность.

– Ах вот оно что! – насмешливо протянул следователь. – У нас с тобой, значит, расхождение в терминологии.

– Почему?

– Потому что у нормальных людей хорошим считается тот, кто помогает искренне и от души, а не ради собственной выгоды.

– Словоблудие, – недовольно проворчала Чара. – Выгода в любом случае есть, хотя бы моральная от осознания собственной доброты, а у тебя выходит честнее.

С этим спорить Шешель уже не стал, только тихо рассмеялся в ответ. За время разговора он успел закончить с ногой пациентки, убрать аптечку и начать накрывать на стол. Что, впрочем, особых усилий не потребовало и много времени не заняло. Следователь выставил сковородку, одну тарелку и две разновеликих посуды под чай: для Чары изящную широкую чашечку, для себя – кажется, вообще бульонницу. Когда он отвернулся, чтобы взять чайник, Чарген спешно поменяла ёмкостиместами.

Обнаружив подмену, Стеван насмешливо вскинул брови, поманил Чару – или кружку? – пальцем. Женщина в ответ тряхнула головой и крепче вцепилась в добычу. Ну не станет же он с ней драться из-за посуды, правда! А она не любит маленькие чашечки, какое в них удовольствие...

Следователь весело фыркнул в ответ на этот демарш и достал себе ещё одну бульонницу: посуды у хозяина имелось с запасом.

– Что это? – опасливо спросила Чарген, когда Шешель снял со сковороды крышку. Внутри было не очень однородное красно-коричневое месиво с вкраплениями зелёного, белого и жёлтого.

– Хрючево, – хохотнул он, явно довольный произведённым эффектом.

– Как-как? – изумилась Чара.

– Хрючево, – охотно повторил Стеван. Слово ему явно нравилось. – Берётся всё съедобное, что есть в холодильнике, смешивается, заливается соусом и разогревается на сковородке. Будешь? – прозвучало с явной надеждой на отказ, но Чара мужественно протянула тарелку. В конце концов, альтернативы всё равно нет, а это... вряд ли Шешелю хочется её отравить, он вон и сам есть собрался. Да и запах... Запах же не подделаешь!

Впрочем, не исключено, что у господина Сыщика просто лужёный желудок, который и щёбёнку переварит. Если разогреть и залить соусом.

Щедро плюхнув на тарелку несколько больших ложек слизистой субстанции, следователь принялся есть прямо со сковороды, с интересом наблюдая за Чарой. Та ещё раз напряжённо покосилась на него, на свою тарелку. Прикрыв глаза, насторожённо принялась, но лишь в очередной раз отметила, что запах у «блюда» в разы лучше внешнего вида: он вызывал не ожидаемое отторжение, а голодные спазмы и желание поскорее набить живот.

В тот момент, когда Чарген зачерпнула немного мерзкой массы и всё же поднесла ко рту, Шешель сдерживался от смеха, кажется, только благодаря голоду: прерывать еду ради такого пустяка он был не готов. Но по живому, выразительному лицу ясно читалось огромное удовольствие, которое мужчина получал от замешательства жертвы своих кулинарных талантов.

Чара мрачно подумала, что им обоим повезло в этом смысле. Наверное, если бы Стеван всё-таки не сумел смолчать и как-нибудь съехидничал, а в его способности метко сызвить женщина не сомневалась, вся эта неаппетитная бурда оказалась бы у него на голове. А они оба – без ужина.

Наконец, последнее решительное движение, и...

Земля не разверзлась, потолок не упал, и даже не возникло желания срочно выплюнуть и промыть рот с мылом. Больше того, с интересом зачерпнув ещё ложку и прожевав странную кашу, Чарген поняла, что это вкусно. Правда вкусно. А с приправой из голода – так и вообще шедевр кулинарного искусства!

Шешель, наблюдая за ней, продолжал посмеиваться, но – молча. А когда Чара прикончила свою порцию и протянула ему тарелку, взглядом прося добавки, только показательно трагически вздохнул, однако едой поделился.

В итоге они молча умяли на двоих всю немалую сковородку и взялись за подостывший чай.

– И что у нас сегодня было в холодильнике? – благодушно спросила Чара. Сытый живот ощутимо давил на веки, и хотелось уже лечь спать, но раз пока не предлагают – можно немного поболтать.

– Мудро.

– Что – мудро? – не поняла она.

– Спрашивать *после* еды. Да обычный набор. Каша, яйца, немного сыра, немного зелени, колбасы и даже фарша. Мне сказали – брать, что найду, но у него там в основном какие-то творожки и каши на воде, – Стеван скривился ещё сильнее, чем сама Чара при виде его кулинарного уродца. – Надеюсь, я не доживу до возраста, когда придётся так питаться.

– С таким питанием – можешь быть уверен, не доживёшь, – усмехнулась Чарген.

– Вот же неблагодарная женщина, а уплетала за милую душу!

– Я не про качество, а про регулярность. Кстати, о нашем хозяине. А где он вообще?

– Спать ушёл. Да и нам тоже пора.

– Погоди, а как же артефакт? Он даже не взглянул!

– Взглянул на бумаги, – Шешель кивнул на лежащую на краю стола знакомую папку, которую всю дорогу нёс за пазухой. – Сказал, что он слишком стар и глуп для таких сложностей, и в лучшие годы бы не разобрался, а лезть в такие материи с его дилетантским подходом – чистое самоубийство. В общем, как и ожидалось, ничем он нам не помог. Пойдём, покажу комнату.

– Может, посуду помыть? – предложила Чара, покосившись на мойку

– Можешь и помыть, – пожал плечами следователь, сгружая туда же кружки. – Но здесь горячей воды тоже нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.